

ЭНТОНИ ХОУП

Любовница короля

Энтони Хоуп

Любовница короля

«Седьмая книга»

Хоуп Э.

Любовница короля / Э. Хоуп — «Седьмая книга»,

«Любить, где любит король, знать то, что он скрывает, и пить из одной с ним чаши». Именно такое предсказание вынесла мне, Саймону Дэлу, старая колдунья Бэтти, ещё за год до моего рождения в памятном июле 1647 года. Предсказание начало сбываться, когда гордый взгляд юной леди Кинтон загорелся гневом в ответ на улыбку другой девушки, говорившей со мной..Но это произошло уже через 18 лет...

© Хоуп Э.

© Седьмая книга

Содержание

Глава 1. Предсказание	5
Глава 2. Юность	10
Глава 3. Мелодии суетного света	15
Глава 4. Сидария разоблачена	19
Глава 5. Мне запрещено забывать	24
Глава 6. Приглашение ко двору	30
Глава 7. Последствия простодушия	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Энтони Хоуп

Любовница короля

Глава 1. Предсказание

Я, Саймон Дэл, родился в седьмой день седьмого месяца 1647 года.

День моего рождения являлся удачным в том смысле, что символическое число «семь» повторилось в нем трижды, но не был удачным в смысле тогдашнего тяжелого времени для нашей родины и для моей семьи. В народе начали в то время поговаривать о том, что если король не сдержит своих обещаний, то недолго сохранит в целости свою голову. Те, кто боролся за свободу, пришли к заключению, что их победа дала только новых тиранов. Пасторы изгонялись из приходов, а мой отец, доверявший сначала королю, потом парламенту, в конце концов изверился в обоих и, потеряв большую часть своего состояния, попал в очень стесненные обстоятельства.

Во всяком случае, число моего рождения зависело не от меня, говорят, даже не совсем от моего отца, так как тут вмешалась явная сила судьбы: появление на свет младенца мужского пола не дальше, чем на расстоянии мили от приходской церкви, еще за целый год было предсказано одной мудрой женщиной – Бэтти Несрот, предсказано с точностью дня и месяца. Этому младенцу, как гласило пророчество, было предназначено: «любить, где любит король, знать то, что он скрывает, и пить из одной с ним чаши».

Пророчество старой гадалки возбудило немалое любопытство, так как в пределах назначенной местности жили только скромные поселяне, которые не могли ожидать от своего ребенка такой блестящей участи, да лорд и леди Кинтон, обвенчавшиеся только за месяц до моего рождения, и мои родители, принявшие пророчество на свой счет. Оба они были смущены, в особенности последней частью предсказания: мать говорила, что не слыхивала, чтобы короли пили только воду, а отец опасался, что не сможет вследствие своих расстроенных дел дать мне подходящее для моего будущего положения воспитание. Сам же я был доволен тем, что оправдал предсказание Бэтти относительно назначенного ею срока, а остальное предоставлял на волю судьбы.

Странная старуха была эта Бэтти Несрот, и ей едва ли поздоровилось бы в предыдущее царствование, при отце нынешнего короля. Теперь же были задачи поважнее преследования колдунов и ведьм, так что на долю Бэтти выпадали только пересуды о ней соседей да насмешки и подразывания деревенских ребятишек. Она отвечала им бранью и проклятьями, делая исключение лишь для меня – ребенка, предсказанного ею. Может быть, она любила меня и за то, что, сидя на руках у матери, я не начал кричать, увидев ее, а, напротив, протянул руки и стал проситься к ней, отбиваясь от матери. При этом старуха, к большому ужасу матери, воскликнула: «Ты видишь, о, сатана!» – расплакалась, что уже вовсе не входило в роль колдуньи, хотя едва ли слово «расплакалась» подходило к скудным слезинкам, выкатившимся из ее глаз. Мать в ужасе отшатнулась от нее и не позволила старухе дотронуться до меня. Так было все время, пока я не вырос настолько, что стал бегать один по деревне. Тогда однажды в уединенном уголке старуха подняла меня на руки, долго бормотала что-то над моей головой и поцеловала меня. Что мое родимое пятно появилось именно на месте ее поцелуя – чистая басня (кто же мог знать с точностью, куда она поцеловала меня?) или не больше, чем простая случайность. Однако, если бы это и было иначе, не выразил бы недовольства: пятно не доставляет мне никаких хлопот, а старой Бэтти этот поцелуй как будто принес пользу. После него она пошла прямо к пастору нашего прихода, жившему тогда в сторожке садовника лорда Кинтона и проводившему свои службы тайком, хотя на них присутствовал весь приход. Старуха тоже

выразила желание принять участие в богослужении, что немало удивило прихожан и самого почтенного пастора, весьма сведущего по части демонологии.

– Ведь это – чудовищный грех! – сказал он моему отцу.

– Нет, это – знак Божьей милости, – заметила моя мать.

– Во всяком случае – пример небывалый, – отозвался отец. – Колдунья, присутствующая при богослужении.

Так как я уверен, что мое детство представляет для читателей так же мало интереса, как и для меня самого (помню одно, что я вечно стремился стать мужчиной и ненавидел платица, в которых меня водили), перейду теперь прямо к тому времени, когда мне исполнилось восемнадцать лет.

Мой отец и старуха Бэтти были уже на том свете, но мать была жива, а пастор, как и король, вернулся на свое законное место. В то время я был уже около шести футов ростом, и мне предстояло самому прокладывать себе дорогу и добывать средства к жизни, так как наши земли не вернулись с королем, и не было других средств, чтобы прилично содержать и сестер.

– На этот счет предсказание Бэтти Несрот сплеховало, – заметил однажды пастор, по своей привычке потирая переносье пальцем, – пункты ее пророчества указывают скорее на расходы, чем на источник добывания средств. А все-таки, Саймон, если предсказание исполнится, ты Расскажи мне, о чем с тобой будет говорить король.

– А если это будет неподходящим для вашего слуха, ваше преподобие? – лукаво спросил я.

– Тогда ты можешь написать мне это, сын мой, – не задумываясь, ответил почтенный пастор.

Хорошо было пастору полудоверчиво, полунасмешливо вспоминать пророчество колдуньи, но, право, едва ли было полезно, чтобы такого рода обуза висела на шее молодого человека. Мечты юности развиваются быстро и без такого подспорья. Пророчество колдуньи не выходило из моей памяти, разжигая и дразня мое воображение. Я мечтал о нем постоянно, в свободные часы и во время занятий делом. Я не торопился с выбором своей жизненной дороги, ожидая исполнения предсказания.

– То же самое было с одной служанкой моей сестры, – сказала мать. – Ей было предсказано, что она выйдет замуж за своего барина...

– Ну, и что же? – живо спросил пастор. – Вышла она?

– Она стала постоянно менять места, отыскивая барина, который более понравился бы ей, до тех пор, пока, наконец, никто не захотел нанимать ее.

– Ей надо было оставаться на первом месте, – рассудил пастор.

– Да, но се первый барин имел уже жену, – возразила мать.

– Что же такое? И я имел жену когда-то, – парировал пастор.

Возражение вдового пастора было убедительно; я решил принять к сведению судьбу служанки моей тетки и, сидя на месте, спокойно выжидать свою судьбу. Но какое доказательство достаточно убедительно для пустого кармана? Мне было заявлено, что я должен искать себе счастья, однако о способах этих поисков возникли разногласия.

– Надо работать, Саймон, – сказала сестра Люси, помолвленная с молодым эсквайром хорошей фамилии и строгих нравов.

– Надо молить Бога об указании тебе пути, – заметила вторая сестра, невеста молодого пастора кафедрального собора.

– Ни о том, ни о другом не упомянуто в предсказании Бэтти, – строптиво отозвался я.

– Это подразумевается само собою, милый мальчик, – сказала мать.

Пастор потирал переносицу.

Однако, правы, оказались пастор и я, а не эти мудрые советницы. Если бы я отправился в Лондон, как они требовали, вместо того, чтобы, согласно собственному желанию и совету

пастора, смирно сидеть на месте, большой вопрос, не осталось ли бы предсказание колдуньи мертвым звуком? Теперь мы жили мирно и тихо; до нас только издали доносился шум ужасов, совершавшихся в городе. Беспорядки не доходили до нас, и мы, здоровые духом и телом, не без злорадства обсуждали события, иногда осуждая своих заблудших собратьев.

Однако предсказание, очевидно, начинало действовать, хотя очень издалека.

Судьба привела новых жильцов в сторожку садовника, где когда-то жил пастор, теперь победно вернувшийся в свой пасторат.

Однажды я гулял по одной из аллей Кинтонского парка, что мне было раз навсегда разрешено, и увидел то, ради чего сюда и пришел: фигуру Барбары, одетой в нарядное белое платье.

Барбара держала себя со мной несколько надменно, потому что была богатой наследницей и ее семья не утратила своего положения в обществе, как случилось с нашей. Несмотря на это, мы были друзьями. Мы ссорились и мирились, взаимно оскорбляя и прощая друг друга, а лорд и леди Кинтон, считая меня, может быть, недостойным опасения, были со мной очень добры и милы. Лорд часто говорил о предсказании Бэтти:

– Хотя король иногда имеет странные тайны, – подмигивая, говорил он, – и в его чаше бывает подчас странное вино, но что касается его любви...

Тут обыкновенно вступался пастор, подмигивая тоже, но немедленно переводя разговор на другую тему, не имевшую ничего общего с королем и его чувствами.

Итак, я увидел стройную фигуру, темные волосы и гордые глаза Барбары Кинтон, загоревшиеся гневом, когда их обладательница заметила то, что я меньше всего желал бы видеть в ее обществе. Это была другая девушка – пониже ростом и поплнее Барбары, одетая не хуже ее самой; она весело улыбалась розовыми губками с блеском горящих весельем, лукавых глаз. Когда Барбара увидела меня, то против обыкновения не сделала вида, что не замечает меня, а, наоборот, подбежала ко мне и с негодованием воскликнула:

– Саймон, кто эта особа? Она посмела сказать мне, что мое платье деревенского фасона и висит на мне, как на вешалке.

– Мисс Барбара, кто же смотрит на платье, когда его обладательница так хороша? – спросил я.

Тогда я был еще так молод, что не знал, как сердятся женщины, если хвалят их наружность в ущерб туалету.

– Вы глупы! – сказала Барбара. – Кто она такая?

– Говорят, она из Лондона, – ответил я, – живет она в сторожке садовника, но я не ожидал увидеть ее здесь, в парке.

– И не увидите больше, насколько это от меня зависит. Зачем вы смотрите на нее? – резко добавила Барбара.

Правда, я смотрел на незнакомку, а теперь взглянул еще пристальнее, после чего наивно спросил по простоте души:

– Она очень хорошенькая. Разве вы этого не находите?

– Хорошенькая? – повторила Барбара. – А что вы понимаете в красоте, скажите, пожалуйста?

– Все, чему научился в Кинтон-Маноре, – с поклоном ответил я.

– Это еще не доказывает ее красоты, – сердито отозвалась Барбара.

– Красота бывает разная, – заметил я, делая шаг в сторону незнакомки, которая стояла, по-прежнему улыбаясь и обрывая лепестки цветка.

– Вы с ней знакомы? – спросила Барбара.

– Этому горю можно помочь, – улыбнулся я.

Будучи самым преданным и усердным поклонником мисс Кинтон, я все-таки слишком любил все новенькое, а потому решил подойти к гостье садовника, несмотря на сердитый кивок головы отвернувшейся от меня Барбары.

– Ведь это – простая вежливость, – заявил я, – справиться о ее здоровье, когда она только что приехала из Лондона. Но если вы желаете погулять со мной...

– Ничего подобного. Я хочу быть одна, – перебила Барбара.

– Ваше желание – для меня закон, – раскланялся я, когда она, не глядя на меня, пошла к дому.

Почти раскаиваясь в своем упорстве, смотрел я ей вслед; о, если бы она хоть раз обернулась! Однако это к делу не относится.

Я победил свое раскаяние и подошел к незнакомке с изысканной вежливостью, желая ей доброго здоровья. Она улыбнулась, хотя я не понял, чему. Это была молоденькая девушка лет шестнадцати-семнадцати; она ничуть не смутилась при моем приветствии, а, наоборот, шаловливо всплеснула руками и весело воскликнула:

– Мужчина! Ей-Богу, мужчина! Здесь, в этом-то месте!

Польщенный названием мужчины, я раскланялся еще раз.

– Или, по крайней мере – будущий мужчина, – поправила незнакомка, – если с Божьей помощью вырастет.

– Вы можете дожить до этого, еще не получив морщин, – ответил я, скрыв свою досаду.

– О, чудо! Он еще острит! Удивительно!

– В нашей стороне достаточно ума, а теперь не будет недостатка и в красоте, – сказал я.

– В самом деле? Кто учит у вас здесь говорить любезности?

– Такие учебники, как ваши глаза.

Несмотря на усмешку незнакомки, я был доволен своей фразой, вычитанной, правда, в каком-то романе. Она сделала мне низкий реверанс, задорно улыбаясь и играя глазами.

– Ну, сударь, – сказала она, – вы – конечно, Саймон Дэл, о котором говорил мне садовник?

– К вашим услугам. Но садовник сыграл со мной плохую шутку: мне нечего дать взамен вашего имени.

– А у вас хорошенький букет! На него я променяю вам свое имя.

Этот букет я собрал для Барбары Кинтон и хотел поднести его ей, даже теперь еще, в знак примирения. Но она поступила со мной резко, а незнакомка так умильно смотрела на букет.

– Садовник – скряга относительно цветов, – вскользь сказала она.

– Сказать правду, я собирал этот букет для другой, – заикнулся было я.

– Тем лучше будет его аромат! – рассмеялась она. – Это придаст двойную цену цветам. – И она протянула к букету крошечную ручку.

– А этому учат в Лондоне? – спросил я, отстраняя цветы.

– Это годится и в деревне, везде, где есть кавалеры, чтобы собирать цветы, и дамы, чтобы их нюхать.

– Хорошо, букет ваш, но с одним условием.

– С каким? Сказать свое имя?

– Да, или позволить называть вас по своему вкусу.

– Ого, и вы назовете меня этим именем в разговоре с Барбарой Кинтон? Нет, я лучше скажу вам настоящее имя. Меня зовут Сидария.

– Сидария? Красивое имя!

– Как и всякое другое, – небрежно сказала она.

– А другого имени у вас нет?

– Зачем поэту два имени, чтобы написать сонет? Ведь вы для этого, конечно, хотели знать мое имя?

– Пусть так, Сидария.

– Пусть так, Саймон. А теперь давайте букет.

Я вздохнул, но отдал букет; условие остается условием.

Девушка взяла букет и спрятала в него лицо, сияя лукавой улыбкой. Я стоял и любовался ею, несмотря на свою юность, я сказал правду, что красота бывает разная: она и Барбара были двумя разными типами красоты. Заметив мой любующийся взгляд, Сидария сделала мне милую гримасу, а Барбара часа два не говорила бы со мной из-за этого.

Сделав мне еще один раз насмешливый реверанс, Сидария сделала вид, что хочет идти, но остановилась, лукаво глядя на меня исподлобья и постукивая по аллее маленькой ножкой.

– Хорошенькое местечко – этот парк, – заметила она, – только иногда в нем легко заблудиться.

– Но, если бы у вас был проводник... – подхватил я намек.

– Да, если бы он был, Саймон!

– Вы бы нашли дорогу, Сидария, а ваш проводник...

– Сделал бы доброе дело. Но ведь тогда... Барбара останется одна.

Я колебался: посмотрел на дом, посмотрел на Сидарию.

– Она сказала, что хочет быть одна, – проговорил я.

– Разве? Когда же это она сказала?

– Ну, я расскажу вам это дорогой, – предложил я.

Сидария громко расхохоталась.

Глава 2. Юность

Как часто самый ожесточенный спор поднимается из-за чистейших пустяков! И так ведется еще со времен Адама и Евы. Быть не могло, чтобы почтенные прародители не поспорили между собой по поводу известного инцидента с запрещенным плодом. Правда, спор, который я имею в виду, возник по гораздо меньшему поводу. Речь шла о том, имеет ли право молодой человек, ухаживающий за одной женщиной, сорвать поцелуй (по-видимому, принятый весьма благосклонно) у другой? Конечно, я утверждал, что имеет, так как мне больше ничего не оставалось делать в моем положении. Барбара настаивала на том, что нет никакого разумного оправдания такому некрасивому поступку, хотя, конечно, быстро добавляла она, это ее нисколько не касается. Ей нет никакого дела до того, влюблен я или нет, сильно ли и в кого именно. Она выражает просто свое общее мнение по поводу любви или того, что мужчины называют ею. А что касается пристойности такого поступка, то на это у нее своя точка зрения, с которой господин Саймон Дэл, может быть, не согласится. Конечно, девица из сторожки садовника должна быть одного мнения с мистером Дэлом. Иначе как бы она могла допустить поцеловать себя в таком открытом месте парка, где ежеминутно мог кто-нибудь пройти и где по несчастной случайности проходила в ту минуту именно она – Барбара Кинтон? Если бы все это могло иметь для нее какое-либо малейшее значение, то только в смысле дурного примера для деревенских девушек, да и то теперь, когда она завтра уезжает в Лондон – занять место фрейлины ее высочества герцогини – и не имеет ни времени, ни охоты думать о том, с кем и как развлекается Саймон Дэл, когда его никто не видит. Конечно, это не значит, что она наблюдала; и ее присутствие здесь было просто неприятной случайностью; тем не менее она очень рада слышать, что девица отправляется скоро обратно туда, откуда приехала, к большому облегчению милой миссис Дэл и любимых подруг ее, Барбары, – Люси и Мэри Дэл. Она, конечно, не желает зла той девице, но думает, что ее мамаша должна иметь много хлопот с такой дочерью.

Мне нечего было возразить на этот поток красноречия, я только молча раскланивался. Наконец удалось вставить словечко и мне.

– Пощадите меня, мисс Барбара! – взмолился я. – Неужели мы с вами расстанемся врагами?

Она не ответила, но я видел, что на ее лице смягчилось суровое выражение. Она отвернулась к окну, откуда были видны кусочек луга и деревья парка. Немного настойчивости – и она, конечно же, простила бы меня, но тут коварная судьба вновь сыграла свою злую шутку: вдали мелькнула стройная, освещенная солнцем фигурка. Это было совсем напрасно.

– Сидария! Хорошенькое имя, – злобно сказала Барбара, – только она, вероятно, имеет свои причины не говорить другого.

– Ее мать сказала другое садовнику, – слабо заступился я.

– О, имена даются так же легко, как и поцелуи, а насчет Сидарии папа говорит, что такого имени вовсе нет.

Тем временем предмет нашего спора беззаботно скользил по лугу, раскачивая в руке свою шляпку. Теперь Сидария уже скрылась из вида между высокими деревьями.

– Она ушла, – шепнул я, – ушла...

Барбара поняла меня, но не захотела сменить гнев на милость.

– Можете не вздыхать об этом перед моим носом! – сказала она. – А впрочем, вздыхайте, если хотите. Что мне до этого за дело? Не бойтесь, она ушла, конечно, недалеко, и не убежит, когда вы броситесь за нею.

– В Лондоне вы пожалеете, что так дурно обходились со мной.

– Там я о вас и не вспомню. Вы забываете, какие изящные и элегантные кавалеры при дворе?

– Черт бы их всех побрал! – искренне воскликнул я.

В глубине темных глаз Барбары сверкнул огонек торжества.

– Вы живо найдете себе мужа при дворе, – горько сказал я.

– Очень может быть, – беспечно согласилась она.

Правду сказать, я был не в духе: отъезд мисс Кинтон огорчал меня до глубины души, а еще больше огорчала наша ссора. Я ревновал ее к каждому кавалеру в Лондоне, и разве не прав я был в сущности?

– Итак, до свиданья, – мрачно сказал я, отвесив ей трагический поклон, которому поза-видовал бы любой артист лондонской сцены.

– Итак, до свиданья! Я вас не задерживаю, зная, что вам надо проститься в другом месте.

– О, там еще целая неделя впереди, – возразил я.

– Не сомневаюсь, что вы проведете с пользой это время, – важно сказала Барбара, выразительно глядя на дверь.

Я мрачно вышел из комнаты и на террасе встретился с лордом Кинтоном. Он смеясь взял меня под руку и спросил:

– Вы поссорились, а? Ну, погодите! Завтра она уедет в Лондон.

– Маленькая ссора, милорд, – кисло заметил я. – Мисс Барбара так мало обращает на меня внимания!

Лорд как будто призадумался, хотя улыбка не сходила с его губ.

– О вас многое болтают в деревне, Саймон, – сказал он. – Послушайте совета друга: держитесь подальше от девицы из сторожки садовника. Поверьте, я говорю не без основания.

Ничего большего я не мог от него добиться и ушел более рассерженный, чем после ссоры с его дочерью. Конечно, по особенности, свойственной мужской природе, я немедленно направился к сторожке садовника: единственное оружие обиженного поклонника было у меня под рукою, и я хотел воспользоваться им. На пороге сторожки сидел мой друг пастор и мирно беседовал с Сидарией.

– Это – верно, – произнес он, – но я думаю, что вы это слишком рано узнали.

– Есть такие школы, где подобные вещи узнаются рано, – заметила она, как мне показалось, с оттенком горечи.

– Бог с ними, с этими школами! – отозвался пастор.

– О каких уроках идет речь? – спросил я, подходя ближе.

Никто мне не ответил. Пастор, положив руки на ручку своей трости, начал ни с того ни с сего рассказывать Сидарии о предсказании старухи Бэтти, что случилось с ним нередко, если я был поблизости. Сидария слушала внимательно, слегка улыбаясь.

– Странное пророчество! – закончил пастор. – Только время покажет, насколько оно верно.

Девушка посмотрела на меня как будто с новым интересом: такие истории всегда действуют на воображение.

– Не знаю, насколько предсказание верно, – заметила она, – но для этого мистеру Дэлу надо прежде всего познакомиться с королем.

– Верно, – воскликнул пастор, – все основано на этом. Не может же Саймон разделять любовь короля, знать его тайны и пить из его чаши, сидя постоянно здесь, в деревне.

– Что же, мне ехать в Лондон? – спросил я. – Зачем? И там у меня нет таких друзей, которые доставили бы мне возможность приблизиться к его величеству.

Пастор печально поник головою: он знал, что таких друзей у меня действительно не было, да и сам-то король не особенно дорожил своими друзьями, даже теми, что были поважнее моего доброго отца, поплатившегося за свою преданность ему всем состоянием.

– Будем ждать, – решил пастор. – Время покажет, может быть, найдется и такой друг.

Сидария призадумалась, а потом, улыбнувшись, сказала:

– Скоро у вас будет друг в Лондоне.

– Она мне – вовсе не друг, – возразил я, думая о Барбаре.

– Я говорю не о ней, – лукаво подмигнула мне девушка. – Ведь и я еду в Лондон.

Я улыбнулся, зная, что едва ли она может быть для меня таким влиятельным другом, чтобы открыть дорогу ко двору. В ответ она засмеялась и так посмотрела на меня, что я не заметил, как простился с нами и ушел пастор, и спросил:

– А вы позаботились бы обо мне, если бы имели власть?

– Не знаю. Только в Лондоне иногда случаются странные вещи, – задумчиво ответила Сидария. – Откуда знать, может быть, и у меня будет когда-нибудь власть.

– И вы употребили бы ее для моей пользы?

– Могла ли бы я иначе поступить с человеком, рискнувшим благоволением своей милой ради поцелуя моей щеки? – и девушка весело рассмеялась, увидев, как я вспыхнул при этом напоминании. – Ну, в городе надо будет отучиться так краснеть, – продолжала она, – а то вас сделают притчей во языцех и будут указывать на вас пальцами.

– Что же, чем реже это случается там, тем больше будет эффект, – слабо защищался я.

– Ловко! – одобрила девушка. – Мы скоро разоведем вас в городе.

– А чем вы там занимаетесь? – подозрительно спросил я, пристально глядя ей в глаза.

– А почти тем же, чем, как вам известно, занималась и здесь, в деревне, – рассмеялась она.

Так отделивалась Сидария от меня всегда, когда я хотел добиться ответа, кто и что она такое. То же самое было и с ее матерью, которой, к слову сказать, я не симпатизировал так же, как и она мне. Она не любила много говорить и всегда хмурилась, видя меня около своей дочери. Однако ей приходилось часто видеть нас вместе, а по правде сказать, еще чаще это случалось с нами без нее. Барбара уехала, бросив меня одиноким, рассерженным и готовым искать себе утешения, где бы ни случилось.

Между тем Сидария нравилась мне все больше и больше своим смехом, живостью, приветливостью. Кроме того, у нее были манеры светской женщины и знание жизни, которое возбуждало мое любопытство. Все это вместе с ее чарующей юностью и свежей красотой привлекало меня разнообразием настроений и быстрой сменой живых, новых впечатлений. То она была весела и насмешлива, то задумчива и грустна. Иногда она, вздыхая, говорила: «О, как бы я желала навсегда остаться здесь, в этой милой, наивной стране!», то тихо шептала мне: «Ах, зачем я – не то, что ваша мисс Барбара!». Через минуту она снова шутила, смеялась, забавляясь жизнью, как пестрым детским мячиком.

Кто осудит меня за то, что в свои восемнадцать лет в понедельник я любил одну, а в субботу желал умереть за другую. Это так понятно, так свойственно милой, легкомысленной юности! Вспомните свою молодость и попробуйте осудить меня. Вы улыбнулись? – Значит, я оправдан!

Был золотистый летний вечер, когда я пришел в Кинтонский парк прощаться с Сидарией. Мать и сестры сердились на меня, деревня сплетничала, даже пастор неодобрительно качал головой. Какое мне было до всего этого дело! Почему один богат и знатен, а другой беден и скромн?

Девушка сидела под деревом; ее красивое личико было как будто печально, маленькая ручка придерживала бьющееся сердечко, а глаза играли непрерывной сменой выражений. Я подошел к ней, взял за руку и мог произнести только ее имя: «Сидария!» Больше мне нечего было сказать; по крайней мере мне так казалось тогда.

– Что же, разве у вас нет для меня ни клятв, ни уверений? – укоризненно сказала она, но ее глаза искрились смехом.

Я выпустил ее руку и отошел. Говорить я не был в силах.

– Когда вы будете ухаживать в Лондоне, – сказала она, – запасите побольше любовного багажа. Там дамы требуют признаний, клятв, отчаянья, стихов, музыки и Бог весть чего еще.

– Из всего этого у меня есть только отчаянье, – уныло сказал я.

– Ну, тогда вы – очень скучный поклонник, – строптиво сказала Сидария, – и я рада, что поеду туда, где поклонники повеселее.

– Так вы едете в Лондон искать поклонников? – ревниво воскликнул я.

– Отчего же, если судьба их пошлет.

– А меня вы забудете там?

– Конечно, если вы не явитесь сами напомнить о себе. «С глаз долой – из сердца вон!» – знаете пословицу?

– А если я приеду? – спросил я, вдруг окрыленный надеждой.

На этот раз девушка не ответила, как обычно, насмешкой, а сорвала с дерева листок и стала медленно разрывать его на части.

– Ну, знаете, – заговорила она, – я думаю, если вы явитесь, то, пожалуй, пожалеете, что приехали, если только к тому времени не забудете меня окончательно сами.

– Забыть вас? Никогда, пока я жив! Можно мне приехать?

– Разумеется, поскольку ваши средства и ваш гардероб позволят вам это... Ну, не злитесь! Приезжайте, мой миленький Саймон! Ведь мы – друзья, не правда ли? Вот я возьму вас под руку, чтобы вы перестали злиться. Слышите, Саймон? – Ее глаза смотрели на меня, как бы прося прощения, но в глубине их все-таки светился далекий огонек насмешки; она ласково гладила мою руку и продолжала: – Конечно, вам надо приехать в Лондон. Ведь Барбара Кинтон там, а вам, если я не ошибаюсь, есть в чем попросить у нее прощения.

– Если я приеду в Лондон, то только ради вас, – заявил я.

– Нет, неправда! Вы приедете, «чтобы любить там, где любит король, зная то, что он скрывает, и пить из его чаши». Ваша высокая участь не имеет ничего общего со мной.

Она отошла и, улыбаясь, сделала мне низкий реверанс.

– Только, только ради вас! – упрямо повторял я.

– Тогда, значит, меня будет любить король? – спросила она.

– Боже сохрани! – горячо воскликнул я.

– Да почему? Не спешите со своим «Боже сохрани»! Что же, любовь короля хуже вашей, мистер Саймон?

– Моя любовь – честное чувство, – горько ответил я.

– Ну, конечно. В деревнях только и говорят, что о честности. Я видела в Лондоне короля: он – очень красивый господин.

– Может быть, вы видели и королеву?

– Разумеется. Ах, это вас смущает, Саймон? Ну, хорошо, я не права; здесь, в деревне, надо быть добродетельными. Но когда вы будете в городе, то будете таким же, как и все. А через десять минут мне надо быть дома; не стоит ссориться; пусть у вас будет обо мне лучшее воспоминание, чем о Барбаре Кинтон.

– Как я найду вас, когда приеду в Лондон?

– Спросите первого встречного, помнит ли он Сидарию, и вы найдете меня немедленно, как только пожелаете.

Больше я ничего не мог добиться от нее.

– Уже поздно, мне надо идти, – сказала девушка, подходя ко мне ближе. – Бедняжка Саймон! Вам это не нравится, но – не беда: когда-нибудь вы сами посмеетесь над этим.

Она говорила тоном старшей сестры.

Вместо ответа я крепко обнял ее и расцеловал. Она отбивалась, громко смеясь. Мне пришлось в голову, что Барбара не стала бы делать ни того, ни другого. А Сидария смеялась. Я выпустил ее и, склонив колена, поцеловал ее руку так почтительно, как сделал бы это, если бы она была Барбарой. Она не была ею, и, кто она, я не знал, но я любил ее, и моя выходка, казалось, тронула ее. Она наклонилась ко мне с милой, чуть-чуть сострадательной улыбкой и шепнула:

– Бедный Саймон, бедный Саймон! Целуйте теперь мою руку – это не причинит вреда никому, и, может быть, я буду охотно вспоминать об этом поцелуе.

Она наклонилась и поцеловала меня в лоб, ее волосы коснулись моего лица. Я посмотрел ей в лицо, и мне показалось, что ее ресницы были влажны. Она рассмеялась, но этот смех походил на сдержанное рыдание, и ее голос звонко прозвучал в чистом вечернем воздухе.

– О, что я за наивная дуручка!

Сидария повернулась и пошла от меня, легко ступая по траве, ни разу не оглянувшись. Я следил за нею немигающими глазами, полными слез.

– О, моя юность! О, моя свежесть!

Глава 3. Мелодии суетного света

Вскоре после отъезда Сидарии последовали обстоятельства, которые волей-неволей отвлекли мои мысли от любовных интриг. В этих событиях моя мать видела благотельный перст провидения, а пастор – начало исполнения пророчества Бэтти Несрот.

Сорок лет тому назад дядя моей матери открыл в Норвиче суконную фабрику, имея в виду, что люди всех политических партий и всевозможных религиозных взглядов все-таки должны думать о своей одежде; благодаря этому он прожил свой век благополучно и сильно развил дело. У него не было ни времени, ни желания жениться; теперь, будучи уже стариком и питая сильную привязанность ко мне, он пожелал сделать меня наследником своего значительного состояния, если я, конечно, окажусь достойным этого. Доказательство, которое он требовал, было невелико, хотя и очень несносно для меня. Вместо того, чтобы ехать в Лондон, я должен был отправиться в Норвич, и жить там вместе с дядей, услаждая последние годы его жизни, и, не будучи связан совершенно его ремеслом, все-таки кое-чему учиться, приглядываясь к жизни и людям.

Итак, я отправился в Норвич, хотя и не особенно охотно. Там я провел целых три года, ухаживая за стариком и развлекаясь всеми доступными в таком большом городе способами. Однако разум и юность – плохие товарищи; все это время я жил, как иудей в пустыне аравийской, беспрестанно мечтая о земле обетованной. Немногое из того времени сохранилось в моей памяти, да и то я не часто вспоминаю: его заглушают события, происшедшие до и после этого периода моей жизни.

Смерть дяди освободила меня. Я искренне оплакивал любившего меня старика, огорченного моим отказом продолжать его дело, так как я предпочел свободу и только часть его большого состояния всему капиталу, если бы остался хозяином его фабрики. Выбери я последнее, и я прожил бы мирно свой век и умер бы богатым человеком. Но я не раскаиваюсь, и теперь сделал бы то же самое.

Мне было около двадцати двух лет, когда я вернулся в родительский дом, правда, настоящим провинциалом, но со средствами, за которые многие франты отдали бы охотно свой светский лоск. Три тысячи фунтов, вложенных в дядино предприятие, давали мне порядочный и верный доход, придававший мне совсем другое значение в семье, чем три года назад. На такие средства можно было жить, хотя скромно, но прилично, можно было даже поехать в Лондон. Сестры стали относиться ко мне гораздо лучше прежнего; мать боялась одного – чтобы высокое место в свете, которое я буду теперь занимать, не пошло в ущерб моим добродетелям, так тщательно развиваемым ею в ее сыне; пастор потирал переносицу, явно думая все время о предсказании Бэтти Несрот.

Такое положение вещей легко могло развить во мне самомнение, если бы не было близости Кинтон-Манора с его обитателями. Хотя лорд и принял меня очень ласково, но, казалось, обращал гораздо больше внимания на мой неуклюжий вид и манеры, чем на мое неожиданное богатство. Он советовал мне ехать в Лондон, говоря, что там, вращаясь в обществе, наивный провинциал привыкает ценить свою особу по достоинству, а не по шаблону деревни. Несколько опешив, я поблагодарил его за совет и осмелился спросить про мисс Барбару.

– Она здорова, – улыбнулся он, – и стала знатной дамой. На нее пишут эпиграммы, и некоторые чудаки посвящают ей стихи. Но она – хорошая девушка, Саймон.

– О, в этом я уверен, милорд! – горячо воскликнул я.

– Нынче нельзя быть уверенным ни в чем, – сухо заметил Кинтон, – но, к счастью, на этот раз вы правы. Вот образец получаемых Барбарой стихов, взгляните! – и он перебрал мне листок бумаги.

Я пробежал стихотворение, где было много сказано про «холодный лед», «нетающие снега», про Венеру, Диану и тому подобное.

– Кажется, это очень скучно, милорд, – заметил я.

– Немного, – улыбнулся он, – но – это стихи известного поэта. Смотрите, не пишите стихов, Саймон!

– Буду ли я иметь честь видеть мисс Барбару? – спросил я.

– А это мы увидим, – ответил лорд. – Надо будет посмотреть, в каком кругу вы будете вращаться. А впрочем, не все ли это равно, раз вы уезжаете в Лондон?

Он пристально посмотрел на меня, слегка нахмурившись, хотя улыбка не исчезала с его лица. Я почувствовал, что покраснел до ушей.

– У меня немного знакомых в Лондоне, – запнулся я, – и тех я не особенно хорошо знаю...

– Да, не особенно хорошо, – подтвердил Кинтон, нахмурившись сильнее и переставая улыбаться, а затем, встав и дружески хлопнув меня по плечу, продолжал: – Вы – честный малый, Саймон, хотя не особенно умный. Но не могут же все быть умными. Поезжайте в Лондон, постарайтесь лучше узнать жизнь тех, кого знаете. Ведите себя джентльменом и помните, Саймон: каков бы ни был король, он – все-таки король.

Особенно подчеркнув последние слова, он тихонько направил меня к двери.

Почему он сказал это про короля, что оправдывало его замечание? Казалось, он придал ему какое-то особое значение, как будто оно относилось именно ко мне. Оставив в стороне глупое предсказание Бэтти Несрот, что, конечно, и должен был сделать милорд, какое было мне дело до короля?

В это время наделали большого шума увольнение от всех должностей известного писателя и первого министра графа Кларендона и все дальнейшие меры, предпринятые против него его врагами. Деревенские жители сходились гурьбой в дни получения почты и обсуждали положение вещей в Лондоне. Меня мало занимали дела правительства, но от нечего делать я принимал участие в этих сходках, удивляясь, что люди кипятятся из-за вещей, нисколько не касающихся нашего тихого уголка.

Дня через два после разговора с лордом Кинтоном я был в таверне «Король и корона». Мирно сидя за кружкой эля и погружившись в свои мысли, я не замечал происходившего вокруг меня шума. Был как раз почтовый день, и я очень удивился, когда слезший с лошади почтальон подошел прямо ко мне и подал большой пакет очень внушительного вида. Получить письмо было уже для меня удивлением, но последующее прямо поразило меня. Почтальон, охотно готовый выпить за мое здоровье, отказался получить деньги за доставку пакета, заявив, что корреспонденция короля не подлежит оплате. Хотя он говорил негромко и вокруг стоял шум, имя короля долетело до пастора; он немедленно подошел и, сев около меня, спросил:

– Что он сказал про короля, Саймон?

Я повторил ему слова почтальона, вертя в руках пакет. Адрес и мое имя на нем стояли вполне ясно: «Мистеру Саймону Дэлу, эсквайру, Гатчстид, близ Гатфильда».

В одну минуту все присутствующие окружили нас, и лорд Кларендон был забыт со своей отставкой: мелочи местной жизни всегда кажутся нам больше великих событий, разыгрывающихся вдали. Посыпались советы распечатать и скорее прочесть диковинное послание.

– Нет, – сказал пастор, – может быть, король пишет Саймону частным образом, по секрету.

Этому поверили бы, если бы дело шло о лорде Кинтоне, но не о Саймоне Дэле.

Однако пастор не смутился раздавшимся вокруг смехом.

– Вы забыли, что у короля будут со временем общие дела с Саймоном, – крикнул он, грозя кулаком насмешникам, хотя улыбался и сам.

Я вскрыл пакет и прочел. До сих пор не могу забыть впечатление, которое это письмо произвело на меня. Оно гласило, что король, помня заслуги моего отца перед отцом его, короля

(и забывая, вероятно, его услуги генералу Кромвелю), и будучи осведомлен о моих честных взглядах, храбрости и других достоинствах, милостиво соизволит зачислить меня в гвардейский полк собственных телохранителей, считая через полгода по получении этого приказа, дабы я имел возможность подготовиться к своему будущему посту. Письмо кончалось приказом явиться с означенным уведомлением в указанный срок в Уайт-холл в Лондоне для должного изучения своего будущего дела и всего остального, что мне необходимо знать. Письмо заключалось поручением меня воле Всевышнего.

Я сидел, задыхаясь, пастор остолбенел, вокруг раздавался говор.

– Не люблю я этой гвардии! – сказал кто-то. – Каких еще телохранителей надо королю, кроме его народа?

– Так находил его отец, помните? – вскричал пастор.

«Гвардия телохранителей, – размышлял я, – но ведь это – лучший, самый почетный полк».

Взволнованный донельзя пастор прибегнул к табакерке трактирщика, поспешившего открыть ее для его преподобия, а в моей голове внезапно промелькнули слова лорда Кинтона, и мне показалось, что я понял их значение. Если у короля были свои недостатки, то не его офицерам замечать их: теперь я принадлежал к его слугам. Должно быть, лорд знал, что меня ожидает, а знать это он мог, только будучи сам причиной этого назначения.

– Конечно, это лорд хлопотал за меня, – воскликнул я, обращаясь к пастору.

– Ну, разумеется!... разумеется, это лорд, – послышалось кругом: все были довольны, так скоро разгадав мудреную загадку.

Один только пастор с сомнением покачал головой, захватывая вторую щепотку табака, и заметил:

– Не думаю, чтобы это был лорд.

– Почему же нет? А кто же тогда? – спросил я.

– Не знаю, только это не он, – настаивал пастор.

Я посмеялся над ним: самое простое дело он непременно хотел облечь тайной. Он все еще, очевидно, цеплялся за предсказание колдуньи.

– Можешь смеяться, Саймон, но ты увидишь, что я прав, – твердо заявил он.

Не обращая на него внимания, я схватил шляпу со скамейки и хотел бежать, чтобы немедленно благодарить лорда, потому что он сегодня уезжал в город, и я мог не застать его позже.

– Ну, что же, расскажи ему, – сказал пастор, – он будет удивлен не меньше нас.

Толпа осталась около пастора, а я поторопился в замок, и хорошо сделал, что не терял времени: лорд Кинтон уже был одет для отъезда, и экипаж был подан. Несмотря на это, он внимательно выслушал мою историю и, нетерпеливо выхватив у меня из рук интересный пакет, стал жадно читать его. Я думал, что он притворяется, чтобы не сознаться в своем добром деле, но скоро убедился, что он действительно поражен и даже как будто сильно недоволен. На его лбу залегла мрачная складка, и он молча пошел со мною по длинной террасе замка.

– Мне нечего сказать на это, – с горечью заговорил он, – я и мое семейство слишком много сделали для короля и его рода, чтобы получать от него милости. Короли не любят своих кредиторов, как не любят и платить свои долги.

– Но, кроме вас, у меня нет друзей, имеющих такую власть.

– Разве? – Кинтон остановился и положил мне руку на плечо. – Саймон, вы, может быть, не имеете и понятия, как нынче достается власть и кто пользуется ею. А впрочем, принимайте эту милость без излишних вопросов! Каков бы ни был ее источник – от вас зависит принять ее с честью.

Но мне не хотелось мириться с таким заключением.

– Король упоминает в своем письме о заслугах моего отца, – заметил я.

– Я думаю, что чудес на свете не бывает, Саймон, – улыбнулся лорд. – Может быть, я ошибаюсь.

– Ну, тогда я уже точно ничего не понимаю, – с досадой воскликнул я.

– Мне надо ехать, – сказал лорд, поворачивая к экипажу. – Дайте мне известие о себе, Саймон, когда приедете в Лондон; живу я в своем доме в Соутгэмптон-сквер, и мои дамы будут рады видеть вас.

Я поблагодарил за приглашение, но оно не утешило меня: мне не нравилась та тень подозрения, которую лорд бросил на мою удачу.

– Так у вас нет ни одного друга в Лондоне, Саймон? – спросил он уже из экипажа, не сводя с меня пристального взгляда. – Так-таки ни одного?

Я вспыхнул до ушей, но постарался оправиться и иронически рассмеялся:

– Такого, чтобы дать мне место в гвардии короля, милорд!

Кинтон молча пожал плечами и закрыл дверцу экипажа; я стоял около, дожидаясь ответа. Он нагнулся и сказал кучеру:

– Пошел, пошел!

– Что вы хотели сказать, милорд? – крикнул я.

Он молча улыбнулся; экипаж двинулся с места, я почти бежал рядом с ним.

– Вы намекаете на нее? – спросил я. – Как могла бы она...

– Ну, этого я вам не скажу, – отозвался лорд, открывая табакерку.

– Милорд, – взмолился я, бегом следуя за экипажем, – вы знаете, кто такая Сидария?

Лорд молчал, глядя через окно, как я выбиваюсь из сил, чтобы не отстать от лошадей, прибавивших хода. Наконец он бросил мне короткую фразу: «Весь Лондон это знает», – и закрыл окно пред моим носом.

Задышавшись, я остался на месте. Ничего не сказав мне нового, Кинтон только еще больше разжег мое любопытство. Однако, если это правда, и таинственная дама, которую знает вся столица, вспомнила о Саймоне Дэле, было от чего пойти кругом и не двадцатидвухлетней голове.

Странно, но пастору, очевидно, было бы гораздо приятнее, если бы источником моего неожиданного благополучия оказалась Сидария, чем если бы оно шло от лорда Кинтона. Я охотно разделил эту точку зрения, и мы оба стали строить всевозможные предположения о том, кем может быть Сидария. Конечно, она должна занимать высокое положение при дворе, если могла распорядиться назначением в королевскую гвардию. Отсюда уже недалеко было до мечтаний об исполнении предсказания Бэтти Несрот относительно моей будущей блестящей карьеры. Моя досада прошла, и я уже жадно стремился уехать, вступить в исполнение своих обязанностей и узнать, наконец, то, что знает весь Лондон, и настоящее имя Сидарии.

– И все-таки, – задумчиво сказал пастор, когда я стал прощаться с ним, – есть многое, Саймон, что дороже удачной карьеры, милости короля и благоволения знатной дамы помни это всегда, сын мой!

– Конечно, – рассеянно согласился я, – надеюсь, что я всегда останусь джентльменом.

– И христианином, – добавил тихо пастор. – Иди своим путем! Я проповедую в пустыне: теперь для тебя звучат более пленительные мелодии жизни, и тебе не до того, но, может быть, когда-нибудь эти затронутые мною струны прозвучат в твоем сердце громче суетных отзвуков света. Когда-нибудь ты вспомнишь меня и мои слова.

Он проводил меня до дверей с улыбкой на устах и тревогой во взоре. Я ушел от него, не оглядываясь. Действительно моя душа была полна отдаленными, но пленительными мелодиями суетного света.

Глава 4. Сидария разоблачена

Наконец после долгих сборов, но короткого, насколько это зависело от меня, прощания я отправился в столь желанный для меня путь. Моим соседом в почтовой карете оказался господин лет тридцати, с худощавым, гладко выбритым лицом. С ним ехал его слуга по имени Роберт, очень сурово обращавшийся с почтальонами и трактирщиками. Этот господин не замедлил вступить со мной в разговор, на что я сам, вероятно, не скоро решился бы. Он сообщил мне, что состоит управляющим лорда Арлингтона и возвращается в Лондон по вызову своего хозяина, назначенного государственным секретарем, что он, Кристофер Дарелл, пользуется полным доверием милорда, а это, как я должен сам понимать, вещь не маленькая. Все это было рассказано мне так любезно и непринужденно, что вызвало на откровенность и меня. Я рассказал в свою очередь всю свою историю, умолчав только о Сидарии. Дарелл выразил удивление, что я еду в столицу впервые, и добавил, что мой вид не выдает провинциала. Он предложил мне переночевать с ним вместе в известной ему гостинице в Ковент-гарден, где он познакомит меня с очень милым обществом. Это предложение я принял весьма охотно. Затем мой новый знакомый заговорил о дворе, о жизни короля и королевы, о герцогине Орлеанской, которая должна скоро приехать в Англию, хотя никому неизвестно зачем; после этого он очень свободно стал передавать всевозможные придворные сплетни, которым, казалось, не предвиделось конца. Я остановил его вопросом, знает ли он фрейлину герцогини – мисс Барбару Кинтон?

– Еще бы, – сказал Дарелл, – это – одна из первых красавиц при дворе и притом безупречного поведения.

Я поспешил похвастать, что мы – старые друзья.

– Ну, если вы хотите быть чем-нибудь большим, то не советую терять время, – рассмеялся мой спутник. – У мисс Кинтон слишком много поклонников, и в особенности один знатный лорд вздыхает по ней чуть ли не на весь Лондон.

Я слушал внимательно, с некоторым чувством гордости, а отчасти и ревности, но свои дела все-таки интересовали меня больше, а потому я, собравшись с духом, решился было спросить Дарелла о Сидарии.

Однако он перебил меня вопросом:

– Вы, должно быть, приверженец церкви?

– Разумеется, – улыбнулся я. – Как же иначе? Или вы приняли меня за паписта?

– Простите, если мой вопрос обидел вас, – извинился Дарелл и, переменив тему разговора, стал расхваливать мой будущий полк, после чего вдруг спросил: – Кстати, простите за нескромный вопрос, как вам удалось получить в него доступ? Это – далеко не легкое дело; одних собственных достоинств недостаточно.

Мне очень хотелось рассказать ему всю историю, но было неловко: моя мужская гордость возмущалась покровительством женщины. Я не имел тогда понятия о том, как многие выходят в люди единственно благодаря этому, и сплел Дареллу историю о знатном друге, желавшем остаться неизвестным. Воспользовавшись первой паузой в разговоре, я задал ему интересующий меня вопрос.

– Не слышали ли вы, об одной даме, по имени Сидария? – спросил я, не имея возможности сдержать досадную краску, вспыхнувшую на моем лице.

– Сидария? Где я слышал это имя? Нет, такой не знаю, хотя... – Дарелл задумался на минуту, а потом щелкнул пальцами. – Ну, так и есть! Я знал, что слышал это имя. Это – действующее лицо из модной пьесы «Индийский император». Должно быть, эта дама маскировалась?

– Вероятно, – согласился я, скрыв свое разочарование.

Дарелл посмотрел на меня с любопытством, но не стал расспрашивать.

Мы подъезжали к Лондону, и новые впечатления вытеснили из моих мыслей даже Сидарию. Я замолчал и совсем забыл про своего спутника. Когда мой взгляд случайно упал на него, я заметил, что он с любопытством следит за мной. Однако, как ни был я взволнован, я все же не чувствовал себя истым деревенским дикарем. Мое пребывание в Норвиче, конечно, не сделало меня столичным жителем, но до некоторой степени стерло с меня провинциальную плесень. Я скоро догадался не выказывать своего удивления, но принимать как должно все то, что видел. Это было вовсе не лишне и приучало меня сдерживать свой нетерпеливый характер.

Мы прибыли в гостиницу; освежившись и отдохнув от дороги, я стоял у окна и помышлял уже о постели, как вдруг в мою комнату вошел Дарелл и весело сказал:

– Надеюсь, ваш гардероб в исправности? Я сегодня же могу сдержать свое обещание и ввести вас в одно общество, куда только что получил приглашение. Мне очень хочется, чтобы вы пошли со мной; вы там встретите многих, кого вам не лишне знать.

Я немедленно согласился на его любезное предложение. Относительно своего туалета я не беспокоился, зная, что мой костюм был только что сшит и вполне приличен; его, как и моих новых пальто и шляпы, мне нечего было стыдиться.

Дарелл вполне одобрил мое платье.

– Вам не хватает только красивой трости, – сказал он, – но это легко исправить. Поедем, а то будет поздно.

Хозяин дома, куда мы прибыли, был некий мистер Жермин; он пользовался большой известностью при дворе и встретил нас очень любезно в своем доме, в Спринг-гарден. Он был особенно приветлив со мной и старался, чтобы я не чувствовал неловкости среди незнакомого общества. Он посадил меня около себя, а с другой стороны сел Дарелл. Напротив нас поместился лорд Кэрфорд, красивый господин лет тридцати с небольшим. Между гостями Дарелл указал мне несколько лиц, известных мне по фамилии, как, например, лорда Рочестера и французского посланника Комингса, человека очень аристократического вида и обращения. Но они сидели на другом конце стола, познакомиться с ними мне не пришлось, и я прислушивался к разговору своих соседей, изредка вставляя в него и свое слово и стараясь не давать заметить своей непривычки к столичному обществу. Лорд Кэрфорд относился к моим словам несколько высокомерно, но Дарелл шепнул мне, что он – «очень большая птица», и я мало обращал на него внимания, думая, что лучшим ответом ему будет моя вежливость.

Все шло отлично, пока не кончился ужин, и гости остались за бокалами вина. Тогда лорд Кэрфорд, разгоряченный выпитым, стал очень свободно и развязно отзываться о короле, очевидно, будучи чем-то сильно обижен с его стороны. Намеки и подсмеивания хозяина дома скоро вызвали его на откровенность: он как будто только этого и ждал.

– Ни дружба с королем, никакие достоинства и заслуги не помогут получить от короля какую-либо милость. У него все зависит от женщин: им стоит только пожелать. Я просил у короля дать моему брату освободившуюся в гвардии телохранителей вакансию, а он обещал ее мне торжественным образом, уверяю вас. А потом явилась Нелли; ей эта вакансия тоже понадобилась для ее друга, и она получила ее, а я остался с носом.

Я насторожился, услышав про гвардию, так же как и Дарелл. Он постарался было переменить разговор, но ему это не удалось:

– Кто же этот счастливец... новый счастливец, который состоит другом мисс Нелл? – спросил Жермин.

– Какое-то деревенское чучело, – небрежно ответил лорд. – Говорят, его фамилия Дэл.

Мое сердце сильно билось, но внешне я был спокоен, когда, нагнувшись через стол, громко сказал:

– Вы имеете неверные сведения, в этом я могу вас заверить.

– Чем вы можете доказать это? – последовал высокомерный ответ.

– Тем, что именно я назначен в гвардию, и мое имя – Дэл, – сказал я, стараясь быть спокойным и чувствуя, как Дарелл сжал мою руку.

– Вы – счастливец, если так, – злобно усмехнулся Кэрфорд. – Поздравляю вас с вашей...

– Стойте, Кэрфорд! – крикнул Жермин.

– С вашей крестной маменькой, – закончил лорд.

– Ваши сведения неверны, милорд, – горячо повторил я, хотя мое сердце сжалось предчувствием: я угадал, кого они называли именем Нелл.

– Клянусь Богом, это правда, – повторил Кэрфорд.

– Клянусь Богом, это – ложь, – настаивал я.

Наши голоса возвышались; кругом настало молчание – все слушали нас. Кэрфорд покраснел, как рак, когда я обвинил его во лжи, сам начиная думать, что это не было ложью. Но отступить я не хотел.

– Итак, я прошу вас взять свои слова обратно, – твердо заявил я.

– Если вам не стыдно было принять такую протекцию, чего же стесняться признания в этом? – рассмеявшись, сказал Кэрфорд.

Я встал с места и низко поклонился ему. Все поняли, что означал этот поклон. Он один, продолжая дерзко смотреть на меня, не поднялся с места.

– Вы, как видно, не понимаете меня? Может быть, это освежит вашу сообразительность? – воскликнул я и бросил ему в лицо салфетку.

Лорд вскочил на ноги, то же сделали и все остальные. Дарелл крепко сжимал мою руку, Жермин держался около Кэрфорда. Я плохо сознавал, что происходит, будучи весь занят своим ужасным открытием. Между тем Дарелл говорил с Жермином, а Кэрфорд снова занял свое место.

– Вам лучше теперь идти домой, – обратился ко мне Дарелл. – Я устрою все, как надо: вы встретитесь завтра утром.

Я кивнул ему, как-то сразу успокоившись. Слегка поклонившись Кэрфорду и низко – хозяину дома и его гостям, я пошел к двери; за мной послышался оживленный говор.

Не помню, как я добрался до своей гостиницы, всецело поглощенный неожиданным открытием. Я еще сомневался, еще не верил, а между тем это объясняло все, все, что произошло со мной. Прошло четыре года со времени моего знакомства с Сидарией, и однако, если все, услышанное мною, было правдой, я завтра охотно получу смертельный удар от руки Кэрфорда. Спать я, конечно, не мог и пошел в общий зал гостиницы, где спросил бутылку вина. Там никого не было, кроме одного очень скромно одетого человека; сидя за столом, он читал книгу. Он ничего не пил, и, когда я из любезности предложил ему стакан вина, отрицательно покачал головой. Однако он закрыл Библию, развернутую перед ним, и пристально посмотрел на меня. У него было странное лицо – худощавое и длинное, а волосы (парика у него не было) свешивались прямыми прядями вокруг его головы. Я принял его за проповедника, и несколько не удивился, когда он заговорил о грехах народа, гнев Божьем и тому подобных вещах. Все это было скучно, и я пил вино молча, погруженный в свои мысли, несколько не интересуясь грехами мира.

– Греховное увлечение папизмом снова подымает голову, – говорил проповедник, – а благочестивые терпят гонения.

– Ну, эти благочестивые взяли свое; они получают теперь только то, что заслужили, – нетерпеливо перебил я, потому что мне надоело его проклятия и жалобы.

– Но царство Божие наступает, – воскликнул он. – Его гнев поразит всех, не исключая обитателей дворцов.

– Я бы на вашем месте так громко не говорил об этом! Опасно, – сухо заметил я.

– Вы – молоды и кажетесь честным, – сказал он, пристально глядя мне в глаза. – Остерегайтесь! Сражайтесь за Создателя, а не в рядах его врагов.

Мне не раз случалось видеть всяких фанатиков в деревне, но такого сумасброда встречать еще не приходилось, хотя, надо сознаться, он говорил многое верно, в особенности, когда начал громить поведение придворных и самого короля.

– Может быть, вы и правы, мистер...

– Мое имя – Финеас Тэт.

– Мистер Тэт, – зевнул я, – но ведь нам с вами ничего не изменить. Подите проповедывать королю.

– И королю придется услышать мои слова, – нахмурился он, – но теперь для этого еще не пришло время.

– Зато теперь как раз время подумать о постели, – улыбнулся я. – Вы ночуете здесь?

– Сегодня я ночую здесь, а завтра буду проповедовать в городе.

– Тогда, пожалуй, завтра вам придется ночевать в менее удобном месте, – заметил я ему, собираясь идти спать, но он устремился за мною, громко крича: «Помните! Настанет время!»

Едва ли мне легко удалось бы от него отвязаться, если бы в эту минуту не вошел Дарелл. К моему удивлению, он и проповедник оказались знакомы. Дарелл громко рассмеялся и воскликнул:

– Опять, милейший Тэт! Вы еще не бросили нашего проклятого города на произвол судьбы?

– Он не уйдет от своей судьбы, как не уйдете от нее вы, – сурово сказал Тэт.

– А это – уже дело мое, – сердито огрызнулся Дарелл. – Мистер Тэт недоволен мною за то, что я держусь старой религии. – Объяснил он, обратившись ко мне.

– Правда? Я не знал, что вы – приверженец старой церкви, – отозвался я, вспомнив наш разговор дорогой.

– И он, и его хозяин тоже, – воскликнул Тэт. – Не правда ли?

– Я советовал бы вам быть осторожнее, говоря о сэре Арлингтоне, – строго остановил его Дарелл. – Вы отлично знаете, что он – поборник церкви своей родины.

– Неужели! – иронически усмехнулся Тэт.

– Ну, довольно! – вдруг рассердился Дарелл. – Мне надо многое сказать своему другу, и я хочу остаться с ним один на один.

Ворча под нос, Тэт взял Библию и вышел из комнаты.

– Несносный человек! – сказал Дарелл. – Недолго ему гулять на свободе. Ну, я уладил ваше дело с Кэрфордом.

Не это хотел я узнать от него теперь. Положив ему руку на плечо, я просто спросил:

– Правда это?

– Правда, – тихо ответил Дарелл. – Я это знал, как только вы упомянули имя Сидарии. В роли Сидарии она впервые появилась в Лондоне и приобрела известность. По вашему описанию я не сомневался, что это – она, но думал, что, может быть, я ошибся или что это, по крайней мере, не станет общеизвестным. Но, как видите, дело выплыло на свет, и вам теперь приходится драться с очень серьезным противником.

– Об этом я не думаю, – начал было я.

– Дело обстоит хуже, чем вы думаете, – перебил Дарелл. – Этот Кэрфорд – как раз тот лорд, о котором я вам говорил, как о яром поклоннике Барбары Кинтон. Он очень высоко стоит в ее глазах, а еще выше в глазах ее отца. Ссора с ним, и еще по такой причине, сильно повредит вам во мнении Кинтонов.

Действительно, все, казалось, обратилось против меня, и все-таки мои мысли были полны одной Сидарией. Сидя около Дарелла, я слушал, что он говорил мне о ней. Одно уже ее настоящее имя многое могло бы сказать: это имя было действительно известно всем и каждому; оно звучало в стихах и балладах поэтов, раздавалось среди всех пересудов и толков, затрагивалось даже в серьезных государственных вопросах. В то смутное время даже церковь не гнушалась

обделывать свои дела посредством влияния красивых женщин. Кэстльмэн и Нелл Гвинт – все мы читали и слышали об этих красавицах. Сам наш пастор говорил мне о Нелли и отзывался о ней снисходительно, так как она была протестанткой. Половину ее прегрешений ей готовы были простить за то, что она употребила свое влияние на пользу церкви и успешно боролась с другой красавицей, стремившейся обратить короля в лоно католичества. Я сам готов был простить ей многое ради ее красоты и милой живости.

Надо сознаться, что я, как большинство молодых людей, довольно безразлично относился к религии вообще, но теперь все это коснулось меня слишком близко. Мог ли я простить Нелл мое унижение, мою поруганную любовь, мое смешное положение?

– Итак, вам придется драться, – сказал Дарелл, дружески пожимая мне руку.

– Да, я буду драться, – отозвался я, – а потом – если будет это «потом» – я отправлюсь во дворец.

– Принять свое назначение?

– Сложить его с себя, милейший Дарелл, – высокомерно сказал я. – Не думаете ли вы, что я приму его из такого источника?

– Видно, что вы – не столичный житель, – улыбнулся Дарелл. – Здесь никто и не подумал бы возражать что-либо по такому поводу.

– Да, я из деревни, – согласился я, – и Сидарию я узнал в деревне.

Глава 5. Мне запрещено забывать

Надо же было, чтобы моя городская карьера началась так неудачно! Мне приходилось начинать с дуэли, и притом из-за женщины, к тому же – женщины такой печальной известности. Эта дуэль делала меня смешным в глазах одной и сильно вредила мне в глазах другой – лучшей – части общества. Я много думал обо всем этом во время своего первого ночлега в гостинице и почти готов был прийти в отчаяние, если бы не принял твердого решения отказаться от карьеры, предложенной мне королем, и начать свою жизнь самостоятельно, надеясь исключительно на свои силы. И все-таки, несмотря на досаду и огорчение, я не мог не удивляться, что Сидария вспомнила обо мне, и это было мне приятно. Всякий другой на моем месте чувствовал бы то же самое и, вероятно, не упустил бы случая возвыситься так легко. Хотя в душе я и отказывался от покровительства Сидарии, но в сущности чем могла она теперь быть для меня? Теперь она парила высоко и, бросив мне свой знак воспоминания, конечно, думала, что мы с нею квиты; больше того – она, вероятно, считала, что слишком хорошей ценой заплатила мне за мое разбитое сердце и поруганные мечты.

Было прекрасное утро, когда я с Дареллом отправился на место поединка; он нес с собой две шпаги. Жермин согласился быть секундантом моего противника. Мы шли быстро и скоро вышли за город, в поля за Монтэг-роузом. Мы прибыли на место первыми, но не прождали и нескольких минут, как показались три экипажа, в которых сидели лорд Кэрфорд, его секундант и хирург. Кучера, высадив своих седоков, отъехали в сторону, а мы быстро приступили к приготовлениям. Особенно торопился Дарелл: слухи о нашем столкновении распространились по городу, а ему не хотелось собирать зрителей.

Я намерен рассказывать свою историю вполне правдиво и беспристрастно, а потому должен сказать, что лорд Кэрфорд был очень враждебно настроен против меня, между тем как я вовсе ничего не имел против него: ведь он оскорбил меня неумышленно, не зная, кто я. Честь заставляла меня драться с ним, но ничто не обязывало меня ненавидеть его, и я всей душой желал, чтобы наше столкновение кончилось возможно благополучнее для обоих. Лорд, вероятно, смотрел на дело иначе. Будучи очень искусным противником в бою и оправдывая свою репутацию, он не мог оставить меня невредимым.

Старый сержант генерала Кромвеля, живший в Норвиче, научил меня обращаться с рапирой, но во всяком случае я не мог равняться в искусстве фехтования со своим противником и приписываю только счастливому случаю и пылкости лорда Кэрфорда, что дело обошлось для меня благополучно. Лорд нападал на меня яростно, и мне все время приходилось только защищаться. Это мне сначала удавалось недурно, и я слышал, как Жермин сказал: «Он держится хорошо». Однако в эту минуту обманутый ложным выпадом противника и последовавшей затем яростной атакой, я вдруг почувствовал острие шпаги, пронзившей у плеча мою руку. Мой рукав немедленно окрасился кровью. Секунданты бросились между нами, и Дарелл охватил меня руками.

– Хорошо, что не случилось хуже, – шепнул я ему, улыбаясь, однако потом мне сделалось дурно, все закружилось перед глазами, и я потерял сознание.

Очнувшись, я увидел, что хирург перевязывает мне руку, а остальные стоят группой недалеко от нас. Мои ноги дрожали, и, вероятно, я был смертельно бледен, но чувствовал себя очень довольным: моя честь была удовлетворена, и я был, так сказать, крещен и принят в общество джентльменов.

Очевидно, так думал и мистер Жермин. Когда моя рука была забинтована, было надето, хотя и с трудом, платье и сверх него шелковая повязка, придерживающая мой локоть, он подошел к хирургу и попросил разрешения отвезти меня к себе завтракать. Позволение было дано с тем условием, чтобы я воздержался от крепких напитков и был осторожен в пище. Мы отпра-

вились в город, и я в своем деревенском неведении жизни крайне удивился, когда и мой противник выразил желание ехать с нами. В одной из таверн Друри-лэйна была устроена славная пирушка. Мистер Жермин был там хорошо знаком и пользовался большим почетом. За столом он много рассказывал нам о своих победах в любви и подвигах на поле брани.

Лорд Кэрфорд был со мною необыкновенно любезен, что я никак не мог себе объяснить и понял только тогда, когда оказалось, что Дарелл сообщил ему мое намерение отказаться от предложенной мне королевской милости. Когда мы познакомились ближе, лорд прямо сказал, что мое поведение делает мне честь, и просил разрешения его домашнему хирургу посещать меня ежедневно, пока не заживет моя рана. Все это привело меня в хорошее настроение и около одиннадцати часов, когда был окончен ужин, я уже совершенно примирился с жизнью. Однако немного спустя я и Кэрфорд снова стали врагами и опять скрестили оружие, хотя уже по другой причине.

Дарелл советовал мне вернуться в гостиницу и сидеть там спокойно, а визит во дворец пока отложить, чтобы не вызвать снова болезненной лихорадки от раны. Я повиновался и тихо направился к Ковент-гардену. Лорд Кэрфорд и мистер Жермин отправились на петушинный бой, где должен был присутствовать сам король. Дарелл оказался занятым по службе, и я остался один. Тихо подвигаясь вперед, я наблюдал кипучее движение и пеструю толпу столичных улиц.

Ничто не представляет собой такого интересного зрелища, как вид шумного города. Приятно любоваться гордым течением реки, величественной красотой высоких гор, как, например, в Италии, которые я видел, путешествуя там много лет спустя, но все это хорошо для человека зрелых лет, а для начинающего жить юноши суэта шумных городских улиц представляет гораздо больше разнообразия и интереса.

Обо всем этом я размышлял по пути домой, а, может быть, и не размышлял вовсе, и мне это только кажется теперь, много лет спустя. Вернее, я ни о чем не думал, кроме того, что молод, недурен собою, что мое новое платье идет ко мне, что повязка на руке придает мне интересный вид. Каковы бы ни были тогда мои мысли, они были прерваны видом толпы, собравшейся в переулке близ одной таверны. Более полусотни всевозможных зрителей собралось вокруг какого-то человека, с большим жаром и увлечением произносившего какую-то речь.

Подойдя ближе из любопытства, я был забавно удивлен, узнав в проповеднике Финеаса Тэта, с которым говорил вчера вечером. Как видно, он уже принялся за свое дело неотлагательно, и если Лондон все еще погрязал в греховной бездне, то это, конечно, не было виною мистера Тэта. Он громил всех без разбора – и великих, и малых; если был грешен двор, то не менее грешен был и Друри-лэйн; если красавица Кэстльмэн (этот забавный фанатик отлично знал все имена и титулы) была именно тем, чем он не постеснялся ее назвать, то какая женщина здесь, на улице, была лучше ее? Чем отличались эти женщины от тех? Разве что только более доступной ценой. А в чем, кроме дерзости, разнились эти окружающие женщины от Элеоноры Гвинт? Он произнес последнее имя с таким презрением, как будто оно олицетворяло собою самый порок, что вызвало во мне дрожь негодования.

Странно, что и остальные слушатели как будто почувствовали то же. До сих пор они слушали, благодатно смеясь, подмигивая друг другу и иногда пожимая плечами, когда оратор указывал на них самих. Лондонская толпа терпелива; она готова позволить все, если только не окажется человека, способного встать во главе ее и разжечь страсти. Такова она была, есть и, вероятно, будет еще долго, какие бы перемены ни пришлось ей переживать. Однако, как я сказал, последнее имя, произнесенное фанатиком, изменило настроение толпы.

Финеас заметил впечатление, произведенное его словами, но ложно понял его. Приняв его за поощрение, он стал выражаться еще оскорбительнее, всячески понося предмет своего негодования.

Я не выдержал и пошел к нему, думая заставить его замолчать, но меня опередил рослый носильщик с грязным и красным лицом. Энергично работая локтями, он пробрался сквозь толпу и с угрожающим видом остановился против Финеаса.

– Говори, что хочешь про Кэстльмэн и остальных, но попрिдержи язык насчет Нелли! Слышишь? – крикнул он.

Вокруг послышался одобрителный ропот. Здесь, очевидно, хорошо знали Нелли, здесь, в Друри-лэйн, было ее царство.

– Оставь в покое Нелли, если хочешь, чтобы твои кости были целы! – продолжал кричать носильщик.

Финеас не был трусом, и возражения только еще больше воодушевляли его. Я хотел остановить его, а теперь приходилось спасать его голову. Не одобровать было этому чудаку перед дюжим носильщиком. В свою очередь я протолкался сквозь толпу как раз в то время, когда громадный кулак был занесен над слишком усердным, тщедушным проповедником морали. Я схватил за руку обозленного молодца, а он свирепо обернулся ко мне, прорывая:

– Что, он – тебе приятель, что ли?

– Вовсе нет, – ответил я, – но ты убьешь его.

– Пусть этот болван берет назад свои слова и прикусит себе язык! Убью его и отлично сделаю.

Дело принимало скверный оборот, и я один, конечно, не мог помешать насилию. Одна девушка из толпы напомнила мне о моей беспомощности, слегка тронув меня за раненую руку.

– Мало вам было драки? – сказала она.

– Ведь это – помешанный! – громко произнес я. – Кто будет обращать внимание на его слова?

Однако Финеас не пожелал принять мою защиту.

– Помешанный? Я! – завопил он, ударяя кулаком по Библии. – Узнаешь ты, кто помешанный, когда будешь корчиться в аду, а с тобою вместе эта... – и отвратительная брань снова посыпалась по адресу бедной Нелли.

Великан-носильщик не мог больше выдержать. Он отбросил меня в сторону прямо в объятия какой-то краснощекой цветочницы, со смехом обхватившей меня своими грубыми, красными руками. Выступив вперед, носильщик схватил тщедушного Финеаса за шиворот, поднял его в воздух и стал трясти, как собака – крысу. Не знаю, до чего дошло бы бешенство молодца, если бы из окна таверны «Петух и сорока» не послышался голос, от которого я вздрогнул всем телом.

– Эй, добрые люди! Послушайте, добрые люди! – сказал этот голос. – Пусть его ругается и проповедует. Не надо беспорядков в Лэйне. Идите-ка на работу, а если нет работы – идите пить, а вот это – на выпивку!

Пригоршни мелких монет полетели на головы толпы, и там тотчас же началась суматоха. Моя цветочница отпустила меня, чтобы не прозевать своей доли. Носильщик остановился, не выпуская из рук несчастного, истрепанного Финеаса, а я поднял взор к окну таверны.

Взглянув наверх, я увидел Сидарию – Нелл. Ее сияющие золотистые волосы были распущены по плечам; она протирала руками заспанные глаза, а белая батистовая кофточка была едва застегнута у ворота – Нелли была, очевидно, еще не одета. С тихим смехом она высунулась из окна, одной рукой защищая глаза от ярких солнечных лучей, а другой шаловливо погрозила необузданному проповеднику.

– Фи-фи! – кротко сказала она. – Зачем так нападать на бедную девушку, которая честно зарабатывает хлеб, часто подает нищим и к тому же хорошая протестантка? – Потом она обратилась к носильщику: – Отпусти его, если он еще жив. Пусть идет!

– Вы слышали, что он говорил о вас? – горячо начал носильщик.

– Ну да, я всегда слышу, что говорят про меня, – беззаботно ответила Нелли. – Пусти же его!

Носильщик неохотно выпустил свою добычу, и Финеас стал отряхиваться и переводить дух. Еще горсть монет посыпалась на носильщика, и тот двинулся с места, погрозив еще раз кулаком проповеднику.

Только тогда Нелли взглянула на меня, не сводившего с нее глаз, весело улыбнулась, и ее глаза радостно блеснули.

– С добрым утром! – крикнула она. – Да ведь это – Саймон, мой маленький Саймон из деревни! Пойди ко мне, Саймон! Нет, нет, погоди, я сама сойду к тебе. Иди вниз, в гостиную! Слышишь? Скорее!.. Я сойду к тебе мигом.

Видение исчезло, но я все еще стоял неподвижно, пока не услышал скрипучего голоса Финеаса Тэта.

– Кто эта женщина? – спросил он.

– Да это – сама Нелл Гвинт, – запинаясь, ответил я.

– Она – сама? – Он торжественно выпрямился, обнажил голову и сказал: – Благодарю Всевышнего, что Его святая воля привела эту заблудшую овцу на мой путь, дабы я мог обратить ее на путь истины! Благодарю Всевышнего!..

Прежде чем я мог ему помешать, Тэт перешел дорогу и быстро вошел в таверну. Мне не оставалось ничего иного, как только последовать за ним. Я сам не мог понять свои чувства. Только что накануне я твердо решил никогда больше не видаться и не говорить с Сидарией: я не мог забыть смешное и позорное положение, в которое меня поставило ее воспоминание обо мне. А теперь все мои твердые намерения рухнули от одного присутствия Нелл. Я последовал за Финеасом Тэтом под предлогом защитить ее от его грубостей, но в сущности потому, что не мог поступить иначе: каждый фибр моего существа, моя душа и сердце устремлялись навстречу Нелли при первом ее зове.

Когда я вошел, Финеас стоял посреди гостиной, перевортывая листы своей Библии, как бы отыскивая какой-то текст. Я прошел мимо него и прислонился к стене у окна.

Нелли вошла нарядно, хотя довольно небрежно, одетая. Ее лицо сияло улыбкой, и она смотрела на меня так непринужденно, как будто наша встреча была в порядке вещей. Увидав фигуру Финеаса, неподвижно стоявшего посреди комнаты, она невольно вскрикнула:

– Я ведь хотела быть наедине с Саймоном, с моим милым Саймоном!

– Наедине с ним? – подхватил Финеас. – А подумали ли вы о том времени, когда вы останетесь наедине с Господом Богом?

– Разве вы еще не кончили? – нетерпеливо спросила Нелли, подходя и садясь у стола. – Право, я думала, что вы уже все сказали на улице. Ну, я испорчена до мозга костей – и дело с концом.

Тэт подошел к столу и вытянул руку над ее головой. Положив подбородок на руки, она, насмешливо улыбаясь, смотрела на него.

– О, ты, которая живешь в открытом грехе, – начал он, но я сейчас же перебил его:

– Замолчите! Какое вам до этого дело?

– Пусть он говорит, – сказала Нелли.

И Тэт говорил и говорил – боюсь, что говорил правду.

Нелли слушала терпеливо, изредка встряхивая головой, как бы отгоняя надоедливое насекомое. Потом он упал на колени и стал горячо молиться. Кончив молитву, он устремил на молодую женщину пристальный взгляд. Она встретила его без всякого замешательства, дружелюбно. Тогда Тэт воскликнул:

– Дочь моя, ты все-таки не понимаешь? О, как зачерствело твое сердце! Молю Вседержителя, чтобы Он отверз твои очи и смягчил твое сердце. Да спасет Он твою грешную душу!

Нелли внимательно рассматривала свои розовые ногти.

– Не думаю, чтобы я была грешнее других, – сказала она. – Ступайте ко двору и проповедуйте там!

Лицо Финеаса приняло суровое выражение.

– Слово Божие будет услышано. Чаша переполнена, грех переступил всякие границы! Кто доживет – увидит.

– Очень возможно, – зевнула Нелли и лукаво взглянула на меня. – А что будет с Саймоном? – спросила она.

– С этим молодым человеком? У него честное лицо; если он будет хорошо выбирать друзей, то для него все будет благополучно.

– Я принадлежу к его друзьям, – промолвила Нелли.

Желал бы я видеть того, кто мог бы отказаться от такого признания.

– Твоего сердца не смягчит Господь! – сказал Финеас.

– Многие находят, что оно и так слишком мягко, – заметила Нелли.

– Мы еще увидимся, – сказал ей Финеас и, еще раз пристально взглянув на меня, вышел из комнаты, оставив нас одних.

Нелли облегченно вздохнула, вскочила с места и, подбежав ко мне, схватила меня за руки, после чего спросила:

– Ну, как дела в нашей деревне?

– Сударыня, – сказал я, освобождая свои руки и отодвигаясь, – здесь не деревня и вы – не та, которую я знал там...

– Да, но вы-то – тот самый, которого я знала там, и притом так хорошо!

– Зато вы не похожи на ту, которую знал я.

– Ну, не так непохожа, как вы думаете. Разве вы тоже собираетесь читать мне проповедь?

– Миледи, – холодно сказал я, – благодарю вас за воспоминание обо мне и за оказанную мне услугу; поверьте, я умею ценить ее, хотя и не могу ее принять.

– Не можете принять? – воскликнула Нелли. – Что такое? Вы не можете принять назначение?

– Нет, – сказал я, низко кланяясь.

Лицо красавицы выразило капризное разочарование.

– А что с вашей рукой? Как вы получили рану? Разве вы уже успели поссориться с кем-нибудь? – спросила она.

– Уже!

– Но с кем и почему?

– С лордом Кэрфордом, причиной же этой ссоры я не смею утруждать вас.

– Но если я желаю знать ее?

– Повинуюсь. Лорд Кэрфорд сказал, что мое назначение состоялось благодаря мисс Гвинт.

– Но ведь это – правда.

– Без сомнения, и все-таки я с ним дрался.

– За что же, если это – правда?

Я не ответил Нелли.

Она отошла и снова села у стола, глядя на меня смущенным взглядом, а затем застенчиво сказала:

– Я думала, это порадует вас, Саймон.

– Никогда в своей жизни я не был так горд и счастлив, как в тот день, когда получил это назначение... разве, может быть, лишь тогда, когда гулял с вами в Кинтонском парке. Но я не могу принять его и завтра пойду во дворец с отказом.

– Вы действительно намерены сделать это? – гневно крикнула Нелли. – И только потому, что оно идет от меня?

Опять я лишь мог поклониться в ответ, хотя в душе далеко не был доволен своей ролью в этой сцене.

– Лучше бы я не вспоминала о вас! – сердито сказала красавица.

– Я тоже предпочел бы забыть, – ответил я.

– Вы и забыли, иначе никогда не обходились бы так со мной.

– Это именно потому, что я не могу забыть.

– Не можете? – спросила Нелли, снова подходя ко мне. – Да, я верю, что забыть вы не могли. Да, Саймон, вы не забыли и не забудете никогда.

– Очень возможно, – просто сказал я, взяв свою шляпу со стола.

– Как поживает мисс Барбара? – неожиданно спросила Нелли.

– Я не видал ее, – ответил я.

– Значит, я счастливее, хотя наша встреча и произошла случайно... Ах, Саймон, как бы я хотела рассердиться на вас, но не могу сделать этого! Помните, – она подошла еще ближе и лукаво улыбнулась мне, – я не могла сердиться даже тогда, когда вы целовали меня, Саймон.

Не знаю, какого ответа ждала она на свой вопрос, но я опять только молча раскланялся.

– Вы примете это назначение, Саймон? – шепнула Нелли, становясь на цыпочки, чтобы достать мое ухо.

– Я не могу, – ответил я, с трудом сохраняя свой холодный вид.

Молодая женщина задумчиво отошла от меня. Я пошел было к двери, но она остановила меня:

– Саймон, у вас осталось хорошее воспоминание о тех днях в деревне?

– Лучшее в моей жизни, – невольно ответил я.

– Тогда лучше бы вы не приезжали в город и остались при своих воспоминаниях, – вздохнула она. – Они были обо мне?

– Они были о Сидарии.

– Ах, о Сидарии! – громко рассмеялась Нелли. – И все-таки ты не забудешь, Саймон, не забудешь никогда!

Я вышел из комнаты, а она осталась стоять в дверях, провожая меня веселым смехом.

Глава 6. Приглашение ко двору

Остальной день я провел в гостинице, следуя предписанию врача, а наутро почувствовал себя гораздо лучше, так как рана заживала и лихорадки больше не было. Я перебрался в новую квартиру Дарелла в Темпле, где он любезно предоставил в мое распоряжение две комнаты. Здесь я обзавелся слугою по имени Джон Велл и стал готовиться к посещению Уайт-холла по приказу короля. Хозяина дома я не видел, он ушел раньше моего приезда, оставив мне записку, в которой извинялся за свое отсутствие, объясняя его служебными обязанностями. Несмотря на то, отправляться одному во дворец, что причинило бы мне немало тревоги, мне не пришлось, так как меня посетил лорд Кинтон. Мне нелегко было преодолеть свою былую робость перед ним, тем более, что он допрашивал меня о моих делах несколько сурово. Я поспешил сообщить ему о своем решении уклониться от назначения. Это известие сразу изменило обращение Кинтона со мной – он стал необыкновенно ласков и сам шутя стал рассказывать мне, как его недовольство против меня росло с каждым доходившим до его ушей слухом. Желая теперь загладить это предо мной, он предложил мне сопровождать меня во дворец, даже довести меня туда в своем экипаже. Я с благодарностью принял его предложение, зная, что это спасет меня от многих промахов и поможет выполнить свою нелегкую задачу.

Дорогой лорд воспользовался случаем дать мне совет прекратить свое знакомство с мисс Нелл одновременно с отказом от доставленного ею мне места. Я ответил на это уклончиво, не желая связывать себя никакими обещаниями. Видя это, он, вздохнув, переменял разговор и начал говорить о состоянии королевства. Обрати я больше внимания на его слова, это помогло бы мне впоследствии избежать многих неприятностей, но я слушал только из вежливости; он говорил об отношении нашего двора к Франции, о приезде герцогини Орлеанской, сестры короля, о котором говорил весь город. Лорда Кинтона, ненавидевшего Францию и папистов, очень огорчала склонность к ним короля. Я поддакивал ему, соглашаясь во всем и ожидая услышать, как Барбара приняла известие о моей дуэли с Кэрфордом и полученной мной ране.

Мы вышли из экипажа и, идя дальше пешком, медленно подвигались вперед, причем мне было приятно идти под руку с таким человеком. Конечно, здесь он не был таким важным, каким казался мне в деревне, но все-таки пользовался известностью и держал себя довольно гордо. Мы непринужденно говорили о всяких пустяках, как вдруг я заметил неподалеку от нас каких-то трех мужчин, которых сопровождал богато одетый мальчик. За ними шло еще человек пять-шесть, и среди них я узнал Дарелла, секретарские обязанности которого были, как видно, вовсе не тяжелого свойства. Когда первая из этих групп проходила мимо, присутствующие обнажили головы, но я и без того догадался, что среди этих господ был король: его черты были мне знакомы, а смуглость его лица превосходила все описания, слышанные мною. Он держал себя очень свободно, хотя и с достоинством, и я так засмотрелся на него, что позабыл даже снять шляпу. Заметив нас, король улыбнулся и сделал приветливый жест лорду Кинтону; тот пошел к нему, предоставив меня моим наблюдениям над королем и его спутниками.

Одного из них мне нетрудно было узнать: великолепная фигура, надменный взгляд и роскошная одежда сразу указали мне герцога Букингэмского, славившегося большей гордостью, чем сам король. Пока его величество говорил с лордом Кинтоном, герцог весело болтал с мальчиком. Третий джентльмен, с которым герцог обращался несколько небрежно, был мне неизвестен; его спокойное лицо, озаренное холодной, но любезной улыбкой, было обезображено черной полосой пластыря поперек носа, как бы скрывавшего рану или шрам.

Через несколько минут, показавшихся мне очень длинными, милорд повернулся ко мне и сделал знак приблизиться. Я подошел, держа шляпу в руках и будучи смущен оказываемой мне честью. Что, если лорд Кинтон успел сказать королю о моем отказе от назначения и его причине? Это было очень возможно, потому что король улыбался как-то странно, герцог Букинг-

эмский открыто смеялся, а их спутник с пластырем на носу смотрел на меня с нескрываемым любопытством. Лорд Кинтон казался несколько растерянным и смущенным. Так мы молча простояли несколько минут, в течение которых я усердно призывал на помощь землетрясение или что-нибудь в этом роде, что вывело бы меня из затруднения. Король, очевидно, не был расположен сделать это, он был заметно недоволен и хмурился; но когда герцог Букингэмский снова громко расхохотался, то его величество последовал его примеру, хотя его смех звучал несколько насильственно.

– Итак, сэр, – начал король, обращаясь ко мне и принимая строгое выражение, – вы не расположены принять мое назначение и сражаться за меня с моими врагами?

– Я готов сражаться за ваше величество до последней капли крови, – застенчиво, но горячо ответил я.

– А между тем намерены отказаться от своего назначения. Почему же?

Я не знал, что сказать; объяснить ему мою причину было невозможно.

– Помощью женщины, – сказал король, – мужчины пользуются с очень древних времен. Даже Адам не постыдился прибегнуть к помощи Евы.

– Так ведь она была его жена, – заметил герцог.

– Никогда не слышал об их свадьбе, – улыбнулся король, – но если так, то я не вижу разницы.

– Ну, разница-то большая, во многих отношениях, – рассмеялся герцог Букингэмский, с непонятным для меня выражением взглянув на хорошенького мальчика, прислушивавшегося к разговору.

Король беззаботно рассмеялся и позвал:

– Чарли, поди сюда.

Тогда я сообразил, что это – его сын, впоследствии известный граф Плимутский, и понял значение герцогского взгляда.

– Чарли, какого ты мнения о женщинах? – спросил король мальчика.

Тот подумал с минуту и ответил:

– Это – очень несносные существа, ваше величество.

– Почему так?

– Они никогда не оставят ничего в покое.

– И никого, мальчик, ты прав.

– А потом они всегда что-нибудь выпрашивают – ленточку, подвязку, бантик...

– Или титул, кошелек, либо место кому-нибудь, – произнес король. – Как видно, мистер Дэл, Чарли, вы и я – мы все здесь одного мнения о женщинах. Если бы это было в нашей власти, то на свете скоро не было бы ни одной женщины.

Должно быть, я имел очень жалкий вид, потому что лорд Кинтон поспешил мне на помощь и стал говорить о моей преданности королю и моей готовности всю свою жизнь положить к его ногам, при единственном условии, о котором он уже упоминал.

– Однако сам мистер Дэл ничего не говорит обо всех этих прекрасных вещах, – заметил король.

– Не всегда много делает тот, кто много говорит, ваше величество, – возразил лорд.

– Итак, этот молодой человек, не говорящий ничего, будет делать все. – Король обратился к своему спутнику с пластырем на носу и сказал ему: – Милорд Арлингтон, кажется, мне придется освободить мистера Дэла.

– Думаю, что так, ваше величество, – ответил Арлингтон, на которого я с любопытством посмотрел, услышав, что это – патрон Дарелла.

– Я не могу иметь слуг, которые не любят меня, – продолжал король.

– И подданных тоже, – лукаво улыбнулся герцог Букингэмский. – К сожалению, я не могу так же выбирать министров, – заметил король и, обернувшись ко мне, холодно сказал: –

Я вынужден счесть ваше поведение за доказательство преданности и любви ко мне. Буду очень рад, если вы докажете, что я не ошибся.

Он слегка склонил голову и двинулся вперед. Я низко поклонился, не будучи в состоянии произнести ни слова от смущения; мне казалось, что я навсегда погиб в добром мнении короля.

Король как будто хотел показать, что его недовольство не распространяется ни на кого больше, и снова остановился говорить с Кинтоном. К моему удивлению, ко мне подошел Арлингтон.

– Не огорчайтесь так, – приветливо сказал он. – Король несколько обижен, но скоро забудет это. Правда, ему хотелось увидеть вас.

– Королю хотелось видеть меня? – удивленно переспросил я.

– Ну да, он много о вас слышал. – Арлингтон искоса взглянул на меня, но видя, что я не намерен расспрашивать, продолжал: – Я тоже рад познакомиться с вами: мне очень расхваливал вас Дарелл. Знаете, есть много способов служить королю.

– Я очень желал бы найти хоть один из них, – заметил я.

– Я могу предложить вам его, если желаете.

– Был бы бесконечно благодарен вам, милорд, – поклонился я.

– Только я потребую от вас чего-нибудь взамен, – сказал лорд. – Надеюсь, вы – надежный союзник церкви, мистер Дэл?

– Я сам и вся моя семья, милорд.

– Отлично! В наше время у церкви крайне много врагов, она терпит гонения со всех сторон.

Я молча поклонился; выражать свое мнение было бы неуместно.

– Да, нас ожесточенно преследуют, – повторил Арлингтон. – Надеюсь, что мы с вами еще раз встретимся. Вас можно найти в квартире Дарелла? Вы скоро услышите обо мне.

Он отошел от меня, приветливым жестом прекратив излишние моей благодарности. Вдруг, к моему величайшему удивлению, король обернулся и подозвал меня.

– Мистер Дэл, завтра у меня будет спектакль. Сделайте мне удовольствие, почтите его своим присутствием.

Я низко поклонился, почти не веря своим ушам.

– И мы постараемся, – король возвысил голос так, чтобы его могли слышать все окружающие, – найти некрасивую женщину и честного человека, между которыми можно было бы посадить вас. Первое найти нетрудно, но второе едва ли возможно; разве какой-нибудь приезжий еще пожалует ко двору. До свиданья, мистер Дэл! – и он пошел дальше, приветливо улыбаясь и держа за руку мальчика.

Как только король и его свита отошли от нас, ко мне проворно подбежал Дарелл и воскликнул:

– Что он вам сказал?

– Король? Он сказал...

– Нет, нет. Что сказал вам лорд Арлингтон?

– Он спросил, принадлежу ли я к приверженцам церкви, и добавил, что я еще услышу о нем. Но, если он так заботится о церкви, как он допускает ваше вероисповедание?

Дарелл не успел ответить, как вмешался лорд Кинтон:

– Это – умный человек; он сумеет ответить вам на вопрос о церкви относительно лорда Арлингтона.

Дарелл покраснел и сердито воскликнул:

– У вас нет повода нападать на религиозность секретаря.

– А у вас нет повода так пылко защищать ее. Оставьте меня в покое; я говорил больше этого ему самому в лицо, и он это перенес гораздо спокойнее, чем вы все сказанное относительно него.

Я плохо понимал причину этого спора. Слухи о подозреваемой склонности секретаря к католицизму не достигли нашей местности.

Очевидно, не желая более спорить, Дарелл откланялся милорду, ласково кивнул мне и пошел догонять короля и его спутников.

– Вам повезло с королем, Саймон, – сказал лорд Кинтон, снова взяв меня под руку. – Вы заставили его рассмеяться, а человека, оказавшего ему эту услугу, он своим врагом считать не будет. Но что Арлингтон сказал вам?

Я повторил ему слова секретаря.

Лорд призадумался, но ласково погладил меня по руке.

– Вы хорошо выдержали первое испытание, Саймон. Кажется, вам можно довериться. Очень многие сомневаются в лорде Арлингтоне и его преданности церкви.

– Но разве Арлингтон не исполняет воли короля? – спросил я.

– Я думаю, что да, – задумчиво ответил Кинтон и переменял разговор. – Раз вы видели короля, Саймон, то ваш визит во дворец подождет. Поедьте ко мне, Барбара сегодня дома, пользуется отпуском, и будет рада возобновить свое знакомство с вами.

У меня было, конечно, некоторое основание бояться этой встречи, но я не успел еще обдумать, как держать себя с нею, или сообразить, как она меня примет, а уже очутился в прекрасном доме Кинтонов в Соутгэмптон-сквере и целовал протянутую мне руку хозяйки дома. Через несколько минут из других комнат вошла Барбара, а с нею – лорд Кэрфорд. Он был, очевидно, расстроен и даже не сумел скрыть это, несмотря на свое обычное самообладание; лицо Барбары горело, и она была также взволнована, но я не обратил на это внимания, будучи поражен переменной, происшедшей с нею в эти четыре года. Мисс Кинтон стала настоящей красавицей с изящными и надменными манерами истинной придворной дамы. Она небрежно протянула мне руку для поцелуя, не выказывая особенного удовольствия от возобновления нашего знакомства. Все-таки она была любезна со мною и как будто хотела показать, что хотя все обо мне знает, но скорее жалеет, чем осуждает меня: Саймон еще так молод и неопытен, а как легко может обойти таких людей опытная в кокетстве женщина! Старый друг не должен отвернуться за это, хотя и чувствует отвращение к такого рода вещам.

По-видимому, Кинтон отлично понимал дочь и, желая дать мне возможность помириться с нею, занял разговором лорда Кэрфорда, а ей поручил показать мне в другой комнате портрет, написанный неким Лелли. Она повиновалась и, показав мне портрет, терпеливо слушала по поводу него мои замечания, которым я старался придать форму комплиментов. Потом я осмелился сказать Барбаре, что вступил в пререкания с лордом Кэрфордом, не имея понятия о том, что он – друг их дома, и снес бы от него, что угодно, если бы знал это.

– Но ведь вы не причинили ему никакого вреда, – улыбнувшись, заметила она и взглянула на мою подвязанную руку, спросить о которой не дала себе труда.

– Да, все кончилось благополучно, – сказал я, – только я был ранен, милорд же остался совершенно невредим.

– Так как милорд был прав, то все этому только рады, – заметила Барбара. – Вы достаточно рассмотрели портрет, мистер Дэл?

Но я не дал так легко переменить разговор.

– Если вы считаете неправым меня, то ведь я постарался с тех пор оправдать себя, – сказал я, не сомневаясь, что девушке известен мой отказ от назначения в гвардию.

– Не понимаю, – быстро сказала она, – что же вы сделали?

– Но ведь я получил от короля разрешение уклониться от оказываемой мне милости, – ответил я, удивленный ее незнанием.

Побледневшие было в это время щеки Барбары снова вспыхнули.

– Разве лорд Кинтон не сказал вам об этом? – спросил я.

– Я не видела его всю эту неделю.

Да, но зато она только что видела Кэрфорда. Странно, что он, зная о моем отказе, ничего не сказал ей об этом. Барбара, видимо, поняла мою мысль; по крайней мере она смущенно отвернулась в сторону.

– Разве лорд Кэрфорд не говорил вам об этом? – настаивал я.

– Он говорил со мною, но не упоминал об этом. Расскажите мне сами, как было дело.

Я рассказал все коротко и просто.

– Но если вы не приняли этой милости, то все-таки должны были поблагодарить за нее, – заметила мисс Кинтон.

– Я почти потерял способность говорить в присутствии короля, – смеясь, признался я.

– Я говорю не про короля.

Теперь очередь краснеть была за мною, я еще не успел отвыкнуть от этого во время своего пребывания в городе.

– Я видел се, – пробормотал я.

– Поздравляю вас, сэр, с таким знакомством! – насмешливо сказала Барбара, делая мне низкий реверанс.

Когда находишься наедине с красивой женщиной, то не особенно приятно, когда кто-нибудь является мешать этому, но теперь, правду сказать, я был доволен, когда лорд Кэрфорд появился в дверях.

– Милорд, мистер Дэл сообщил мне новость, интересную для вас, – обратилась к нему Барбара, – король освободил его от назначения в гвардию. Не правда ли, это удивляет вас?

Кэрфорд смотрел на нее, на меня и опять на нее, не сразу собравшись с духом ответить, так как отлично знал об этом.

– Нет, – наконец отозвался он, – я знал и хотел поздравить мистера Дэла с его решением, но мне не пришло в голову сообщить вам об этом.

– Странно! – заметила Барбара. – Ведь мы – вы и я – только что сожалели, что это назначение досталось ему такой ценой, – и она пристально посмотрела на лорда, несколько презрительно улыбаясь.

Настало неловкое молчание.

– Конечно, я и сказал бы об этом, если бы мы не переменили разговора, – довольно неудачно попробовал вывернуться Кэрфорд. – А вы разве не вернетесь к нам? – добавил он, стараясь говорить непринужденно.

– Мне хорошо и здесь, – сказала она.

Лорд помедлил с минуту, затем раскланялся и вышел из комнаты. По-видимому, он был сильно рассержен и охотно затеял бы со мною новую ссору, если бы я дал ему малейший повод. Но, не оправившись от одной стычки, я не хотел завязывать другую.

– Удивляюсь, почему он не сказал вам, – заметил я Барбаре, когда Кэрфорд вышел.

Это был промах с моей стороны: гнев, вызванный Кэрфордом, обрушился теперь на мою голову.

– А почему он должен был непременно сказать об этом? – напала на меня Барбара. – Не может же весь свет только и думать о вас и о ваших делах, мистер Дэл!

– Но вы были недовольны тем, что он не сказал вам об этом.

– Я? Недовольна? С чего вы это взяли? – надменно спросила Барбара. Рассердившись сначала на Кэрфорда, она теперь сердилась на меня, и я совершенно не знал, что мне и делать. – Скажите мне, какова с виду эта ваша подруга? – вдруг спросила она. – Я ее никогда не видела.

Это была неправда. Барбара не раз видела Нелли в деревне, в Кингтонском парке, но я счел за лучшее промолчать об этом. Ее гнев на меня, конечно, усилился бы вдвое, если бы она знала, что Нелли – это Сидария, а Сидария – Нелли. Зачем было мне самому выдавать себя, снова напоминая о своих прежних прегрешениях? Если ее отец не сказал ей, что Нелли и Сидария – одно и то же, то незачем говорить об этом и мне.

– Так вы не видели ее? – спросил я.

– Нет, и хотела бы знать, какова она.

Мне пришлось исполнить настоящее желание Барбары. Я начал с очень скромного описания наружности Нелли, но презрительное замечание Барбары: «Что же тут особенного? Чем она сводит с ума мужчин?» – задело меня за живое; я увлекся, отдавшись воспоминанию о красоте Нелли, и закончил с таким жаром, что совсем забыл о своей слушательнице и опомнился только под ее глубоко изумленным взглядом, впившимся в мое лицо. Мое увлечение мигом угасло, и я смущенно замолк.

– Вы сами просили меня описать ее, – жалобно сказал я наконец. – Не знаю, такова ли она на самом деле, или в глазах других, но мне она кажется именно такой.

Настало молчание. Лицо Барбары больше не пылало; напротив, она показалась мне бледнее обыкновенного. Я инстинктивно понял, что обидел ее. Красота всегда завистлива, и какой дурак станет рассыпать похвалы одной красавице в присутствии другой? И все-таки я был доволен, что не сказал, кто была Сидария.

Молчание было непродолжительным. Барбара отрывисто рассмеялась:

– Не удивительно, что вы попались, бедный Саймон! Эта женщина, должно быть, действительно красива. Пойдемте теперь к моей матери.

Больше в этот вечер она не сказала мне ни слова.

Глава 7. Последствия простодушия

Я погрешил бы против истины, если бы стал утверждать, что все упомянутые тревоги и неприятности заглушили во мне радость бытия и увлечение моей новой разнообразной жизнью. Я был молод, честолюбив и смотрел на мир Божий далеко не суровыми глазами. В данное время я был всецело поглощен предстоящим мне представлением ко двору, и Джон Велл, мой слуга, был сильно занят приготовлением меня к нему. Относительно этого малого я сделал сильно поразившее меня открытие: однажды я неожиданно застал его за чтением пуританских псалмов, с глазами, устремленными к небесам, в глубочайшем молитвенном экстазе. Оказалось, что мой слуга – не меньший фанатик и ханжа, чем сам Финеас Тэт. Как и тот, он искренне считал весь двор и все относившееся к нему законной добычей сатаны и глубоко презирал все суетные удовольствия и потехи короля и его приближенных. Не желая смущать Джона, я ничего не сказал ему о своем открытии, но очень забавлялся, заставляя его снабжать меня всеми подробностями франтовства, моды, косметики, всего того, что вдруг стало необходимым новому мистеру Дэлу, поскольку это было доступно его скромным средствам. К этому меня побуждало присутствие мисс Барбары, в глазах которой я не хотел ударить в грязь лицом, поставив себе задачей не казаться деревенским простаком и ни в чем не отставать от любого придворного кавалера. Поэтому я не задумывался опустошать свой кошелек, к большому неудовольствию Джона, ворчавшего на мое легкомыслие и расточительность. Он все время жестоко боялся, чтобы мне не вздумалось взять его ко двору, что было бы громадной опасностью для спасения его души. Но благоразумие взяло, наконец, верх, и я решил оставить его дома, чтобы не тратиться на роскошную ливрею.

Великолепие, встреченное мною при королевском дворе, поразило и ослепило меня. По внезапной прихоти короля он сам и все его приближенные были одеты в роскошные персидские костюмы, блиставшие золотым шитьем и драгоценными камнями. Герцог Букингэмский был ослепителен; многие из придворных не уступали ему в богатстве наряда, в особенности герцог Монмут, которого я видел впервые и признал за красивейшего юношу в целом свете. Дамы не могли воспользоваться случаем вырядиться в фантастические костюмы, но они щеголяли роскошью французских модных туалетов. Много наслышавшись о бедности финансов государства, о нуждах нашего флота, о денежных затруднениях самого короля, я только рот разинул от удивления при виде представшей предо мною роскоши. Собственные мои приготовления оказались такими ничтожными, что уже через полчаса я стал искать какой-нибудь укромный уголок, чтобы скрыть там убогую скромность своего наряда. Однако мне не удалось исполнить свое желание. Ко мне подошел Дарелл, которого я сегодня еще не видел, и заявил, что мне надо представиться герцогу Йоркскому. Очень смущенный и взволнованный, последовал я за ним через зал, но скоро какой-то джентльмен остановил Дарелла и стал приветливо расспрашивать его о здоровье. Вместо ответа Дарелл вытащил меня вперед и сказал, что сэр Томас Клиффорд желает познакомиться со мною, и стал распространяться о моем уважении к нему.

– Это – ваш друг, с меня этого достаточно, Дарелл, – сказал Клиффорд и прибавил несколько слов шепотом на ухо ему.

Тот покачал головою, и Клиффорд, казалось, не совсем был доволен полученным ответом. Однако он очень дружески пожал мне руку на прощанье.

– Что он спросил у вас? – осведомился я, когда мы пошли дальше.

– Только про то, разделяете ли вы мое вероисповедание, – рассмеялся Дарелл.

«Как все здесь заботятся о моей религии! Лучше бы побольше обращали внимания на свою собственную», – подумал я.

Из зала мы повернули в какой-то уголок, с трех сторон увешанный занавесами и уставленный низкими диванами в восточном вкусе. Красавец герцог Йоркский сидел здесь с лордом

Арлингтоном. Напротив них стоял господин, которому после моего поклона герцог представил меня, назвав его мистером Гудльстоном, духовником королевы. Мне было хорошо знакомо это имя, принадлежавшее римскому священнику, помогавшему королю в его бегстве из Ворчестера. Я с особенным интересом всматривался в его черты, как вдруг ко мне обратился герцог Йоркский, причем его обращение, хотя и очень приветливое, было гораздо церемоннее обращения короля.

– Лорд Арлингтон отзывается о вас, как о молодом человеке самых высоких качеств, – сказал он. – Я и мой брат очень нуждаемся в услугах такого рода людей.

Я уверил герцога в своей преданности и готовности служить. Арлингтон, взяв меня под руку, шепотом посоветовал мне не смущаться, а духовник королевы бросил на меня быстрый прощальный взгляд, как бы желая прочесть мои мысли.

– Я уверен, – сказал Арлингтон, – что мистер Дэл готов служить его величеству во всех отношениях.

– Я ищу только возможности доказать это, – раскланялся я.

– Во всех отношениях? – резко переспросил Гудльстон.

Арлингтон пожал мне руку с милой улыбкой и заметил:

– Он только что сказал это. Чего же нам больше?

Но, как видно, герцог Йоркский обращал больше внимания на мнение священника, чем на мнение министра.

– Знаете, милорд, – ответил он, – я никогда еще не слышал, чтобы мистер Гудльстон задал какой-либо вопрос, не имея на то основания.

– Службу королю во всех отношениях некоторые понимают лишь в смысле исполнения того, что нравится им самим, – внушительно сказал Гудльстон. – Может быть, и мистер Дэл понимает это так же? Что он ставит выше – службу королю или свое собственное мнение?

Все трое смотрели на меня выжидательно, и было заметно, что пустой салонный разговор коснулся теперь чего-то важного. Какого ответа от меня ждали, я не знал, но Дарелл, стоя за спиной священника, озабоченно кивал мне головой.

– Я буду повиноваться королю во всех отношениях, – начал я.

– Хорошо сказано! – одобрил Арлингтон.

– Во всем, – счел своим долгом прибавить я, – кроме того, что будет во вред свободе королевства и реформатской религии.

Арлингтон внезапно выпустил мою руку и отодвинулся от меня, хотя продолжал любезно улыбаться. Герцог, очевидно, меньше владевший собой, сердито нахмурился, а Гудльстон нетерпеливо воскликнул:

– Ограничения! Королям не служат с ограничениями.

Скажи это герцог, я, конечно, смолчал бы и только поклонился в ответ, но теперь это меня рассердило. Кто был этот священник, чтобы так говорить со мной? Я забыл всякую осторожность и ответил:

– Однако король носит свою корону с этими ограничениями и сам согласился на это.

С минуту все молчали.

– Боюсь, что мистер Дэл – меньше придворный, чем честный человек, – сказал затем Арлингтон.

Герцог встал с места.

– Не нахожу никакой вины за мистером Дэлом, – холодно и высокомерно произнес он и, не обращая больше внимания на меня, отошел прочь, сопровождаемый Гудльстоном, бросившим на меня грозный взгляд.

– Мистер Дэл! Мистер Дэл! – укоризненно шепнул Арлингтон.

Он тоже отошел от меня, сделав знак Дареллу следовать за ним. Тот повиновался, досадливо пожав плечами.

Я остался один, и, как казалось, в полной немилости. Мое дело было проиграно, еще не начавшись. Как видно, двор не был для меня подходящим местом. Расстроенный, я сел на диван, обдумывая все происшедшее. Прошло с минуту, и вдруг портьера позади меня отодвинулась, и оттуда послышался веселый смех; затем какой-то молодой человек перепрыгнул диван и сел рядом со мною, от души смеясь.

– Отлично проделано, великолепно! Я дал бы тысячу крон, чтобы видеть их физиономии в эту минуту!

Я смущенно вскочил с места, потому что молодой человек был герцог Монмут.

– Сидите, – сказал он, толкнув меня снова на подушку дивана, – я был позади портьеры и все слышал. Слава Богу, что мне удалось сдержать свой смех, пока они отошли отсюда. Так как? «Кроме того, что будет во вред свободе королевства и реформатской религии»? Вот будет интересно рассказать эту сценку королю! – и он, откинувшись на спинку дивана, снова залился смехом.

– Ради самого неба, ваше высочество, не говорите об этом королю! – воскликнул я. – Я и так совсем погиб.

– Безвозвратно, конечно, в мнении моего дядюшки, – сказал герцог. – Вы – новичок при дворе, мистер Дэл.

– Самый ужасный новичок, – жалобно ответил я, на что он снова рассмеялся.

– Разве вы не слышали сплетен о том, что милый дядюшка не выносит как свободы королевства, так и реформатской религии?

– Никогда, ваше высочество.

– А Арлингтон держал вас сначала за руку, а потом любезно улыбался до самого конца?

– Да, ваше высочество, он был очень ласков со мною.

– О, я хорошо знаю его манеру. Мистер Дэл, позвольте мне за это приключение считать вас своим другом. А теперь пойдемте к королю, – и, встав с места, молодой человек схватил мою руку и потащил за собой.

– Простите, ваше высочество, право, я... – начал было я.

– Ничего не хочу слышать, – настаивал он, а затем вдруг прибавил другим, серьезным, тоном: – я сам за свободу королевства и за реформатскую церковь. Разве же мы не друзья после этого?

– Ваше высочество делает мне слишком большую честь.

– Да разве уж я – такой плохой друг? Разве не стоит иметь другом старшего сына короля?

Герцог выпрямился с достоинством и грацией, которые ему необыкновенно шли. С какой нежностью я всегда вспоминаю этого милого юношу, которого так любили многие, не двинувшие бы пальцем для его отца или герцога Йоркского. Но в эту минуту мне было на него страшно досадно: я увидел мисс Барбару, проходившую под руку с лордом Кэрфордом. По-видимому, они успели помириться и очень мирно беседовали друг с другом. Заметив мисс Кинтон, герцог устремился к ней. Ловко отодвинув в сторону Кэрфорда, он стал осыпать Барбару самыми пламенными любезностями, в которых, однако, было больше страсти, чем уважения. Со мной она обошлась, как с мальчиком, но не сделала этого с герцогом, хотя он и был моложе меня; напротив, она слушала его с краской на лице и блестящими глазами. К моему удивлению, Кэрфорд не выражал никаких признаков недовольства; наоборот, он как будто был доволен ухаживаниями герцога. Мне же хотелось подойти к ней и просить не принимать поклонения сына короля.

– Мистер Дэл, – неожиданно позвал он меня, – еще одно могло способствовать нашей дружбе, а именно – ваша дружба с мисс Кинтон, о которой я сейчас узнал. Я – ее преданнейший раб, готовый ради нее служить всем ее друзьям.

– Что же вы собираетесь сделать ради меня, ваше высочество? – спросила Барбара.

– Чего бы я не сделал! – воскликнул он. – Хотя вы так жестоки, что ничего не желаете сделать для меня.

– Для вас я слушаю столько времени самые смешные речи, ваше высочество, – кокетливо улыбнулась Барбара.

– Разве любовь смешна? Разве можно смеяться над страстью? Вы жестоки, мисс Барбара! – горячо ответил герцог.

Мисс Кинтон весело рассмеялась и бросила на меня торжествующий взгляд, значение которого я хорошо понял: она мстила мне за поцелуй Сидарии, увиденный ею в Кинтонском парке. Теперь я смиренно стоял в стороне; перед ней рассыпался в любезностях его высочество, и половина придворных были свидетелями ее торжества. Я попробовал сказать ей глазами:

«Смейся, смейся, моя красавица? Я люблю ту, которая посмеется над тобой, когда придет ее очередь».

Герцог продолжал свои излияния, а Кэрфорд смотрел на это со спокойствием, странным для претендента на руку девушки. Но теперь Барбара казалась смущенной и с беспокойством осматривалась кругом. Герцог не обращал на это никакого внимания. Я тихонько подошел к Кэрфорду и шепнул ему:

– Милорд, его высочество слишком отличает мисс Барбару. Не попробуете ли вы отвлечь его?

Он удивленно посмотрел на меня и, нахмурившись, спросил:

– Не хотите ли вы еще раз поучить меня, как себя вести?... Вы полагаете, что можно вмешиваться в разговор принцев?

– Принцев? – переспросил я.

– Герцог Монмут, конечно...

– Сын короля, милорд, – перебил я его и со шляпой в руке подошел к Барбаре и герцогу. Она признательно посмотрела на меня. – Ваше высочество не отменит моей аудиенции у короля? – спросил я, остановившись в почтительной позе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.